

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

УБИЙЦА В ТОЛПЕ
◆
ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ

Алан Грант

Джозефина Тэй

**Убийца в толпе, или Человек
из очереди. Шиллинг на свечи**

«Азбука-Аттикус»

1929, 1936

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тэй Д.

Убийца в толпе, или Человек из очереди. Шиллинг на свечи /
Д. Тэй — «Азбука-Аттикус», 1929, 1936 — (Алан Грант)

ISBN 978-5-389-24711-6

Джозефина Тэй (наст. имя — Элизабет Макинтош; 1896–1952) — знаменитая писательница, дочь шотландца и англичанки, признанный мастер британского детектива. В 1929 году она дебютировала с книгой «Человек из очереди», в которой впервые появился инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант (впоследствии герой еще пяти ее романов). Инспектор доверяет собственной интуиции, но не безраздельно: он тщательно взвешивает все доказательства, внимательно слушает показания свидетелей; и даже если, казалось бы, все говорит не в пользу подозреваемого, Алан Грант не оставит непроверенной ни одну улику. Словом, оказавшись в сложной ситуации, любой мечтал бы о таком добросовестном инспекторе полиции! В сборник вошли два первых романа цикла: «Убийца в толпе, или Человек из очереди» (1929) и «Шиллинг на свечи» (1936).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24711-6

© Тэй Д., 1929, 1936
© Азбука-Аттикус, 1929, 1936

Содержание

Убийца в толпе, или Человек из очереди	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава восьмая	55
Глава девятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джозефина Тэй
Убийца в толпе, или Человек из очереди
Шиллинг на свечи

Josephine Tey

KILLER IN THE CROWD (THE MAN IN THE QUEUE),

A SHILLING FOR CANDLES

© Е. К. Бросалина (наследник), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Серийное оформление Валерия Гореликова

Оформление обложки Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

* * *

Убийца в толпе, или Человек из очереди

Глава первая Убийство

Был мартовский вечер. Между семью и восемью у театров по всему Лондону установили турникеты, закрывавшие доступ на галерку и в партер. «Бах, трах, бум» – звуки далеко не мелодичные, но они служили прелюдией к будущим представлениям, и для всех истомленных поклонников Фесписа и Терпсихоры, выстроившихся в колонны по четыре у врат обетованных, будь то последний бродяжка, не было ничего слаще этих звуков. Такое, правда, наблюдалось не везде. Возле театра «Ирвинг» всего пять человек расположились на ступеньках у входа, явно предпочитая комфорт теплу внутреннего закутка у кассы: греческая трагедия в этом сезоне была явно не в моде. Плейбокс-театр посещали исключительно снобы, которые к галерке относились с пренебрежением. Однако возле театра «Уоффингтон» две живые цепочки вились, загибались и, казалось, уходили в бесконечность. Уже давно величественный служитель прошел вдоль очереди и, жестом простертой длани отсекая все надежды, произнес сакраментальную фразу: «Отсюда и дальше – только стоячие места».

Итак, одним сокращением дельтовидного мускула отделив овсы от плевел, он с олимпийским спокойствием проследовал сквозь зеркальные двери в ласковый уют вестибюля. Однако из длинной очереди никто не ушел. Тех, кому предстояло провести на ногах следующие три часа, казалось, ничуть не опечалило выпавшее на их долю испытание. Они болтали и смеялись, поддерживая свои силы ломтиками шоколада в серебряных обертках. Только стоячие места? Подумаешь! Можно и постоять ради удовольствия еще раз увидеть «А вы и не знали?» – мюзикл, родимый лондонский мюзикл, который не сходил с подмостков целых два года, а теперь шел последнюю неделю. Исполнял свою, можно сказать, лебединую песнь!

Места в кресла и ложи были раскуплены давным-давно, и масса наивных девиц, не привыкших к очередям, толпилась у закрытого входа, поскольку на этот раз никакие подкупы и соблазны на кассиров не действовали. Казалось, весь Лондон жаждал попасть в «Уоффингтон», чтобы сегодня еще раз устроить овации своим кумирам; услышать, что нового вставит в свой каскад дурачеств Голли Голан – тот самый Голан, которого недавно извлек из провинциального небытия отважный менеджер и который, получив шанс стать известным, использовал его сполна. О, и еще раз погреться в лучах веселья и красоты, исходивших от Рей Маркейбл – этой кометы, внезапно появившейся на театральном небосклоне два года назад и стремительно взлетевшей к зениту славы, затмив всех прочих, известных и незаменимых; Рей, которая кружилась и танцевала, как листок, подхваченный ветерком; чья легкая улыбка Моны Лизы за шесть месяцев положила конец рекламной моде на белозубый оскал. Критики писали о ее «непередаваемом обаянии»; ее горячие поклонники тем не менее пытались его передать каждый по-своему, прибегая к жестам и гримасам, когда не хватало слов. И вот теперь она, как и многое другое из старой доброй Англии, уплывала в Америку. Два года она пробыла с ними, и без нее Лондон покажется безводной пустыней! Да тут согласишься стоять хоть целую вечность – лишь бы увидеть ее еще в последний раз!

Уже с пяти вечера начало моросить, и время от времени легкий пронзительный ветерок, подхватывая морось, будто взмахом кисти опрыскивал всю очередь от начала до хвоста. Однако и это обстоятельство никого не обескураживало: погода явно вела себя несерьезно, и легкий дождик воспринимался как терпкий аперитив перед предстоящим пиршеством для зрения и слуха. Люди поеживались, шевелили пальцами ног и, как полагается истым кокни,

использовали любую возможность поразвлечься, какую только предоставляла узкая, словно ущелье, улица.

Сначала появились мальчишки-газетчики, верткие, с худенькими личиками и не по-детски настороженными глазами. Они промчались вдоль очереди как степной пожар и исчезли, оставив после себя обрывки реплик и шелест газетных страниц. Потом появился маленький уродец, с ногами короче туловища. Расстелив серенький коврик на мокрой мостовой, он принялся завязывать себя в немыслимые узлы, пока наконец не стал напоминать застигнутого врасплох съездившегося паука: его глаза вдруг зыркали на очередь из совершенно неожиданных мест, и от этого даже у самых нечувствительных мороз бежал по коже. За ним последовал скрипач – исполнитель популярных мелодий, который, судя по всему, пребывал в счастливом неведении, что одна из басовых струн у него брала на полтона ниже. Вслед за ним появились одновременно исполнитель чувствительных романсов и нестройный оркестр из трех человек. Минуту-две они мерили друг друга недружелюбными взглядами, после чего певец, действуя по принципу «кто смел, тот и съел», с места в карьер жалобно затянул «Все оттого, что ты пришла ко мне». Но тут глава оркестрика передал гитару подручному и, широко расставив локти и вытянув руки перед собой, направился к тенору выяснять отношения. Тенор попытался было выразить свое полное пренебрежение тем, что продолжал петь и глядел поверх головы оркестранта. Однако вскоре обнаружил, что это довольно трудно, поскольку музыкант был выше его на полголовы и держался весьма нахально. Бедняга умудрился пропеть еще две фразы, после чего неуверенно смолк и завершил выступление горькими жалобами, перейдя на вполне прозаическую речь, а минутой спустя, извергая угрозы и проклятья, исчез в темной аллее. Оркестранты, не теряя времени, рванули с ходу самую популярную танцевальную мелодию. Поскольку она более соответствовала современным вкусам, чем неуместное обращение к выцветшим сантиментам прошлого, все тут же забыли о несчастной жертве насилия над личностью и принялись притопывать в такт. После оркестра, сменяя друг друга, публику развлекали проповедник-евангелист, а также человек, который сперва разрешал завязывать себя внушительными веревками и со впечатляющей ловкостью тут же от них освобождался. Каждый, отработав свой номер, следовал дальше, но перед уходом проходил вдоль всей очереди от головы до хвоста, время от времени просовывая в редкие просветы между плотно стоявшими людьми свой истрепанный, но обладавший магической силой преодолевать все преграды головной убор, прочувствованно повторяя: «Спасибо вам! Спасибо! Еще раз спасибо!» – призыв, которому надлежало расположить публику к щедрым пожертвованиям. Продавцы сластей, спичек, игрушек, торговцы открытками – каждый со своим товаром – успешно заполняли паузы между отдельными номерами этой развлекательной программы.

Очередь добродушно расставалась со своими пенсами, вполне довольная немудреным развлечением. Но вот трепет пробежал по толпе – трепет, который искушенному зрителю был прекрасно знаком и мог означать лишь одно. Складные скамеечки и стульчики были моментально убраны, свертки с едой исчезли, и появились кошельки. Двери наконец-то растворились. Начиналась захватывающая, увлекательная игра. Что сулило им сегодня заветное окошечко кассы: победу – то есть билет – или же поражение? Где-то впереди, у самой головы очереди, напряжение выросло настолько, что на минуту-другую основной инстинкт, призывающий англичанина всегда знать свое место, был забыт, – я здесь вполне сознательно говорю именно об англичанах, потому что шотландцу это чувство просто незнакомо, – и очередь утратила свой математический расчет на «первый – второй». Произошла небольшая давка, незамеченная на первый взгляд концентрация сил, пока наконец очередь перед турникетом не приняла вид однородной, тяжело дышащей массы. Звяканье опускаемой в прорезь монетки означало, что выпуск продолжается и что очередной счастливец переступил порог рая. Один этот звук заставлял стоящих сзади бессознательно напирать сильнее, пока передние не стали протестовать во всю силу своих сдавленных легких и полицейскому не пришлось пройти вдоль оче-

реди, увещевая чересчур нетерпеливых: «Подайте-ка назад. До начала еще пропасть времени. Напирать бессмысленно, это ничего не даст. Соблюдайте порядок!» Время от времени вся очередь делала небольшой рывок вперед – это происходило, когда счастливы, стоявшие первыми, по двое и по трое откатывались от нее, как бусины разорванной нитки. Но случались и неожиданные задержки. Вот какая-то толстуха замешкалась и шарит в кошельке. Дуреха. Не могла, что ли, заранее приготовить нужную сумму!

Будто почувствовав, что вызывает всеобщее негодование, женщина обернулась к стоявшему позади мужчине и раздраженно сказала:

– Эй, перестаньте толкаться, уважаемый! Неужели даме нельзя спокойно достать сумку? Обязательно надо ее пихнуть!

Но человек, к которому были обращены эти слова, остался глух и нем. Голова его свесилась на грудь, и негодующий взгляд женщины уперся в верхушку его мягкой фетровой шляпы. Она фыркнула, резко отвернулась от него, шагнула к окошечку и выложила деньги, которые перед этим так долго считала. В тот же момент мужчина неожиданно осел на колени, так что стоявшие за ним едва не попадали, и тут же медленно повалился вниз лицом.

– Да ему плохо, – произнес кто-то, но с места не сдвинулся ни один.

В наши дни инстинкт самосохранения, призывающий ни во что не вмешиваться, находясь в толпе, стал столь же ярко выраженным, как общеизвестное свойство хамелеона в минуту опасности менять окраску. Может, кто-нибудь его знает? Но нет, таковых не нашлось. И все-таки отыскался человек – то ли более сознательный, то ли с большим чувством ответственности, – который решился подойти к упавшему, чтобы оказать помощь. Он уже наклонился было к нему, но замер и вдруг отпрянул, будто его укусили. Трижды над толпой прозвучал истерический женский крик – и пытаящая, напиральная очередь внезапно застыла в полной неподвижности.

Тело мужчины осталось одиноко лежать на мостовой, отчетливо видное в ярком круге электрического света, падавшего с крыши театра. И тот же безжалостный свет холодно блеснул на маленьком серебряном предмете, косо торчавшем из серого твидового пальто.

На рукоятке кинжала.

Полицейский, утихомиривавший очередь, появился даже прежде, чем кто-то вспомнил о полиции. При первом же женском вопле он поспешил от хвоста очереди. Он знал: так кричат лишь в одном-единственном случае – при виде внезапной смерти. Полицейский постоял, огляделся по сторонам, потом склонился над телом, осторожно повернул к свету голову упавшего, вернул ее в прежнее положение и, выпрямившись, проговорил, обращаясь к человеку в окошечке:

– Вызовите «скорую» и позвоните в участок.

Потом обвел несколько ошарашенным взглядом всю очередь и спросил:

– Кто-нибудь знает этого джентльмена?

Нет; заявить о своей хотя бы отдаленной причастности к тому, кто сейчас тихо лежал на мостовой, желающих не нашлось.

Позади этого человека стояла солидная супружеская чета, видимо из пригорода. Сквозь тихие стоны женщина монотонно повторяла одну и ту же фразу:

– О Джимми! Поедем домой! Скорее поедем домой!

По ту сторону турникета толстая женщина будто окаменела; ее рука в черной нитяной перчатке сжимала вожаденный билет, а она, судя по всему, и не помышляла о том, чтобы скорее занять место. «Человека убили!» Эта новость облетела очередь с быстротой пламени, охватывающего сухой подлесок. Толпу завертело и закружило, одни старались поскорее отойти подальше от того, что вконец испортило им все удовольствие; другие, наоборот, пробивались вперед, чтобы увидеть все своими глазами; третьи негодуя боролась за то, чтобы удержать свое место в очереди, где простояли столько часов подряд.

– Поедем домой, Джимми! О, едем скорее домой!

– Думаю, пока это невозможно, дорогая, – проговорил наконец муж. – Придется подождать: вероятно, мы будем нужны полиции.

– Вы совершенно правы, сэр, – тут же отозвался полицейский. – Всем действительно нельзя уходить. Вот вы, шестеро, кто впереди, и вы, миссис, – обратился полицейский к толстухе, – оставайтесь каждый на своем месте. Остальные – проходите. – И он сделал знак, как постовой, направляющий движение транспорта в объезд сломавшегося автомобиля.

Супруга Джимми разразилась истерическими рыданиями, а толстуха наконец раскрыла рот и заявила, что пришла на спектакль и знать не знает этого человека. Те четверо, что стояли следом за супружеской парой, также обнаружили явное нежелание быть замешанными в неприятное дело, последствия которого трудно было предугадать, и тоже заявили, что абсолютно ничего не знают.

– Охотно верю, – ответил полицейский. – Но это вам предстоит объяснить в полицейском участке. Тут нет ничего страшного, – добавил он в утешение, хотя при данных обстоятельствах эта фраза прозвучала довольно неубедительно.

Очередь задвигалась снова. Швейцар притащил откуда-то зеленый занавес и накрыл им тело. Возобновились щелканье турникета и безучастный, как шум дождя, стук монет. Швейцар, в обычное время отчужденно молчавший, как Иона в брюхе кита, то ли проникшись сочувствием к шестерым допрашиваемым, то ли в надежде на некое вознаграждение, вызвался сохранить для бедняг сидячие места. Наконец появилась машина «скорой помощи», явились и представители закона из отделения полиции округа Губридж. Местный инспектор поговорил с каждым из семерых, записал их фамилии, адреса и, отпуская, предупредил, что их могут вызвать для дополнительных показаний. Джимми усадил свою рыдающую супругу в такси, а остальные пятеро озабоченно проследовали на места, которые стерег для них швейцар, и едва успели усесться, как поднялся занавес и началось вечернее представление пьесы «А вы и не знали?».

Глава вторая

Инспектор Грант

Старший инспектор уголовного отдела Скотленд-Ярда Баркер нажал наманикюренным пальцем на кнопку слоновой кости, что находилась под крышкой его рабочего стола, и не отпустил ее, покуда в кабинете не возник один из его бесценных подданных.

– Передайте инспектору Гранту, что мне необходимо его видеть, – сказал он вошедшему, который в присутствии высокого начальства из всех сил старался держаться почтительно, но с достоинством. Однако увы: холодная вежливость и неприступный вид старшего инспектора мало этому способствовали. Молодой человек дрогнул и, чтобы сохранить равновесие, был вынужден чуть отклониться назад в ужасе при мысли, что его орлиный нос мог быть истолкован как выражение крайней непочтительности. Удрученный неудачей, он отправился выполнять поручение, чтобы затем похоронить память о своем фиаско под кипами аккуратнейшим образом подшитых досье и копий документов – что и являлось, собственно, его непосредственной обязанностью. Инспектор же Грант меж тем вошел в кабинет шефа и непринужденно поздоровался – они были давними и добрыми приятелями. При виде его Баркер заметно повеселел.

Помимо таких обычных качеств, как преданность долгу, мужество и ум, у Гранта было перед коллегами одно неоспоримое преимущество: он нисколько не был похож на полицейского. Среднего роста, стройный, всегда безукоризненно одетый – я назвала бы его щеголем, если бы не была уверена, что это вызовет в вашем воображении некоего субъекта, начисто лишённого индивидуальности, наподобие портновского манекена, – но уж в чем в чем, а в недостатке индивидуальности Гранта никак нельзя было упрекнуть. Однако представьте, если можете, щеголя, нисколько не похожего на манекен, – и вы получите верное представление о Гранте. Баркер уже много лет как тщетно пытался перенять грантовский шик, но, увы, единственное, в чем он преуспел благодаря Гранту, так это в том, что стал похож на денди. Баркеру не доставало вкуса в выборе модной одежды – так же, как и в отношении многого другого. Слепо и упорно следовать за кем-то было основным свойством его натуры: сам он никогда не проявлял инициативы. Это можно было считать его единственным недостатком. С другой стороны, если уж Баркер начинал за кем-то следовать, то этот кто-то вскоре понимал, что лучше бы ему вовсе на свет не родиться.

Сейчас Баркер с неподдельным удовольствием глядел на своего безмятежно улыбающегося, как летнее утро, подчиненного – сам он всю ночь промаялся с прострелом – и перешел к делу:

– В Гоубридже все носы повесили. И вообще им там, на Гоу-стрит, уже мерещится, будто против них целый заговор.

– Даже так? Их что, кто-нибудь решил серьезно проучить?

– Да нет, просто вчерашнее происшествие – уже пятое крупное дело на их участке за последние три дня. Они сыты по горло и хотят, чтобы вчерашнее дело мы взяли на себя.

– А что там стряслось? Случай в очереди у театра, да?

– Совершенно верно. А кто у нас сейчас в оперативном отделе? Вы. Вот и приступайте. Можете взять Уильямса. Барбер мне нужен самому: я его посылаю в Беркшир в связи с ограблением в Ньюбери. Там придется умасливать местную полицию – они в обиде, что Ярд вмешивается; у Барбера это лучше получится, чем у Уильямса. Ну, пожалуй, это все. И знаете, отправляйтесь-ка на Гоу-стрит прямо сейчас. Желаю успеха.

Полчаса спустя Грант уже беседовал с полицейским врачом на Гоу-стрит. Тот подтвердил, что, когда мужчину доставили в больницу, тот был уже мертв. Орудие убийства – тонкий, очень острый стилет. Его всадили в спину с левой стороны от позвоночника с такой силой, что рукоятка оказалась вжатой в ткань плаща; это образовало своеобразную прокладку, так

что то небольшое количество крови, которое вытекло из раны, даже не просочилось наружу. По мнению врача, беднягу закололи минут за десять или чуть больше до того момента, когда очередь двинулась вперед и он повалился. Зажатый в толпе, труп, вполне вероятно, мог какое-то время оставаться в стоячем положении. Более того, в такой давке упасть было просто невозможно. Врач считал, что мужчина вряд ли даже успел почувствовать удар. В плотной очереди, где вольно или невольно все друг друга жмут и толкают, мгновенный удар ножом, к тому же вряд ли особенно болезненный, вполне мог пройти незаметно.

– Хорошо. Теперь о человеке, который его заколол. Есть ли что-нибудь необычное в том, как он это проделал?

– Ничего. Могу лишь утверждать, что это человек сильный и к тому же левша.

– Это могла быть женщина?

– Нет, не думаю. У женщины на такой удар вряд ли хватило бы сил. Видите ли, там не было возможности замахнуться. Удар приходилось наносить из положения покоя. Нет, это определенно дело рук мужчины. Причем очень решительного.

– Есть какие-нибудь данные насчет убитого? – спросил Грант, который всегда высоко ценил суждения профессионалов.

– К сожалению, немного. Вполне упитанный – вероятно, в деньгах не нуждался.

– Уровень интеллекта?

– Думаю, высокий.

– Какого типа?

– Вы имеете в виду род занятий?

– Нет, с этим я разберусь сам. Я спрашиваю о том, что вы называете, насколько я знаю, темпераментом.

– А, понимаю.

Врач немного помолчал, задумчиво глядя в свои записи, и после некоторого колебания произнес:

– Вы, разумеется, понимаете, что тут за абсолютную точность ручаться нельзя?

Грант уверил его, что отдает себе в этом полный отчет.

– Я бы для себя отнес его к категории неудачников – тех, кому постоянно не везет. – При этом врач вопросительно взглянул на Гранта и, убедившись, что тот понимает, о чем речь, добавил: – У него лицо человека практического, но руки – мечтателя. Взгляните сами.

Они оба перевели взгляд на тело. Перед ними лежал молодой человек лет двадцати девяти – тридцати, белокурый, зеленоглазый, стройный, среднего роста. Руки, как справедливо заметил доктор, были тонкие, с длинными пальцами, руки человека, явно непривычного к физическому труду.

– Вероятно, ему приходилось проводить много времени стоя, – произнес доктор, бросив взгляд на ноги мужчины. – И ходил он не прямо, а немного загибая левой ногой.

– Как вы полагаете, чтобы нанести такого рода удар, убийце надо ли было обладать специальными анатомическими познаниями? – спросил Грант.

Казалось просто невероятным, чтобы такая едва заметная ранка могла привести к смертельному исходу.

– Вы имеете в виду, нанесен ли удар точно с медицинской точки зрения? О нет. А что до знаний в области анатомии, так теперь любой, кто прошел войну, обладает достаточными практическими знаниями в этой области. Скорее всего, удар был нанесен вслепую – просто угодил удачно.

Грант поблагодарил врача и перешел в соседний отдел, к полицейским. Перед ним на столе было разложено скудное содержимое карманов убитого. Малочисленность предметов вызвала у Гранта легкое разочарование: белый хлопчатобумажный носовой платок, горсточка мелочи (две полукроны, два шестипенсовика, один шиллинг, четыре монетки по пенни и один

полупенсовик) и – совсем неожиданно – служебный револьвер. Платок был не новый, но без меток; револьвер заряжен.

В брезгливом молчании осмотрев эти предметы, Грант осведомился, есть ли метки прачечной на одежде. Таковых не оказалось.

– Никто не обращался по поводу его? Может, хотя бы наводили справки?

– Нет, никто не приходил, кроме одной сумасшедшей старухи: она готова забрать все трупы, которые подбирает полиция.

Ладно, он сам осмолит всю одежду. И тут же приступил к делу, дотошно разглядывая один предмет за другим.

И шляпа, и ботинки были далеко не новые; последние поношены настолько, что наименование фирмы на внутренней стороне стерлось начисто. Шляпа была куплена в одной из торговых фирм, имевших магазины во всех районах Лондона и в провинции. И то и другое было добротным и еще вполне приличного вида. Модный, даже слишком кричащего покроя синий костюм; то же самое можно было сказать и о сером плаще. Нижнее белье хоть и не самое дорогое, но хорошего качества; рубашка самого что ни на есть популярного оттенка. Короче, судя по одежде, этот человек либо сам любил хорошо одеваться, либо проводил время там, где придавали этому особое значение. Может, продавец в отделе готового платья? Меток прачечной, как и сообщили Гранту, действительно нигде не было. Это могло означать одно из двух: либо этот человек не хотел быть опознанным, либо все белье ему стирали дома. Поскольку следов того, что метки удалены намеренно, обнаружить не удалось, то наиболее вероятным представлялось второе. А вот бирочка с именем портного была спорота с костюма явно не случайно. Это, как и немногочисленность найденных предметов, определенно наводило на мысль, что человек хотел скрыть свое настоящее имя.

И последнее – стилет. Крошечное, коварное, хищно заостренное оружие. Серебряная ручка длиной около трех дюймов была выполнена в виде фигуры святого – с бородой и в должном одеянии. Кое-где на ней поблескивала цветная эмаль броских, грубоватых тонов, характерных для такого рода изображений в католических странах. Подобные кинжалы чаще всего можно увидеть в Италии или на южном берегу Испании.

Грант осторожно поворачивал клинок, внимательно разглядывая.

– Сколько человек держало его в руках?

В полицейский участок кинжал доставили из больницы сразу же, как вынули из раны. С того момента никто к нему не прикасался. Вот и хорошо! Но довольное выражение исчезло с лица Гранта, когда поступило сообщение о дактилоскопической экспертизе: отпечатков пальцев обнаружено не было. Ни один, даже самый смазанный отпечаток не осквернил собою сверкающее изображение католического святого.

– Н-да... – со вздохом произнес Грант. – Все это я забираю и приступаю к делу.

Снять отпечатки пальцев у убитого и обследовать револьвер на предмет возможных отличительных признаков он поручил Уильямсу.

По первому впечатлению пистолет был ничем не примечателен – вполне заурядное боевое оружие, какое после войны стало в Англии таким же привычным предметом, как старые дедовские часы. Однако, как мы уже упоминали, Грант предпочитал опираться на суждения профессионалов.

Он тут же сел в такси и остаток дня посвятил беседам с теми семью людьми, которые в предыдущий вечер находились в непосредственной близости к неизвестному в момент его смерти.

По дороге он начал обдумывать ситуацию в ее различных вариантах. Он нисколько не обольщался надеждой, что предстоящие интервью со свидетелями как-то ему помогут. На первом допросе они все до одного отрицали всякое знакомство с убитым и теперь вряд ли откажутся от своих слов. Заметь они до этого рядом с убитым кого-либо или улови хоть что-то

подозрительное – наверняка сказали бы сразу же. Грант знал по собственному опыту, что девятью девятью опрашиваемых из ста дают абсолютно никому не нужную информацию, а сотый – вообще никакой. К тому же, по словам врача, мужчина был заколот минут за десять до того, как это было замечено, а какой убийца станет оставаться рядом со своей жертвой и дожидаться, пока содеянное им будет обнаружено? Если даже допустить возможность бравады со стороны убийцы, то для любого здравомыслящего человека – а человек, заинтересованный, чтобы его не поймали, обязан мыслить здраво! – вероятность быть замеченным рядом с убитым была слишком велика, и он вряд ли стал бы подвергать себя такому риску. Нет, разумеется, тот, кто это сделал, успел отойти от очереди заблаговременно. Нужно отыскать кого-нибудь, кто, возможно, был свидетелем разговора между убийцей и его жертвой. Конечно, есть шанс, что никакого разговора не происходило; убийца просто встал позади, совершил задуманное, а потом незаметно ускользнул. В таком случае задача Гранта состояла в поисках того, кто видел, как тот уходил. Тут особые сложности не возникнут. Можно будет подключить прессу.

Грант стал мысленно прикидывать различные варианты – кто это мог сделать? Англичанин вряд ли воспользовался бы кинжалом. Если уж он решил отдать предпочтение холодному оружию, то избрал бы бритву и просто-напросто перерезал своей жертве горло; обычно же в подобных случаях он применил бы кастет или, на худой конец, револьвер. Нет, это не англичанин. Преступление было задумано и осуществлено с изобретательностью и изяществом, несвойственными англичанину. В самом способе было нечто не мужское, и это наводило на мысль об итальянце-даго или, во всяком случае, о человеке, которому знакомы приемы даго. Моряк. Да, это мог быть матрос с одного из судов, курсирующих по Средиземному морю. С другой стороны, способен ли простой матрос додуматься до такого хитроумного способа – прикончить человека в очереди? Он, скорее всего, предпочел бы для расправы темную ночь и безлюдную улицу.

В замысле был привкус чего-то романтического – в итальянском духе. Для англичанина главное – поразить жертву, нанести смертельный удар. Способ и средство для него вещи второстепенные.

Эта мысль логически повлекла за собою и другую – о возможных мотивах, и Грант стал перебирать наиболее часто встречающиеся: кража, месть, ревность, страх. Первый отпадал сам собою. В такой давке опытный вор мог сто раз обшарить карманы, привлекая к себе не больше внимания, чем севшая на рукав муха. Мсть или ревность? Вполне вероятно, – даго известны своей нетерпимостью в этих делах: оскорбленная честь требовала смерти обидчика; неосторожная улыбка предмета обожания – и возлюбленный уже готов потерять рассудок. Возможно, мужчина с зелеными глазами – а он несомненно был привлекателен – встал между даго и его девушкой? Однако Гранту почему-то казалось, что причина убийства заключалась не в этом. Разумеется, он не исключал такой возможности, но полагал, что дело было не в ревности. Значит, в страхе? Может, тому, кто вонзил стилет в спину мужчины, предназначалась пуля из заряженного револьвера? Может, убитый грозился застрелить даго и тот устал пребывать в постоянном страхе? Или наоборот: убитый носил при себе оружие, но это не спасло его? Но как увязать с этим явное стремление погибшего скрыть свое имя? При подобных обстоятельствах револьвер скорее указывал на попытку совершить самоубийство. Тогда к чему было откладывать задуманное и зачем идти в театр? Какой иной мотив мог вызвать у человека желание остаться неузнанным? Перспектива быть схваченным полицией, угроза ареста? Может, он намеревался кого-то застрелить, но, готовясь к побегу, чтобы не попасться, решил скрыть свое имя? Возможно.

Одно казалось достаточно бесспорным: убитый и человек, которого Грант окрестил про себя Даго, были знакомы – иначе как бы между ними возник конфликт?! Грант никогда не принимал всерьез версии о тайных обществах, которые якобы практиковали такого рода красочные убийства. По собственному печальному опыту Грант знал, что тайные общества обычно

предпочитают грабеж, шантаж и прочие такие же неаппетитные способы легкого добывания денег, и ничего живописного в их деятельности, как правило, не было. К тому же в настоящий момент в Лондоне ни одного более или менее внушительного общества такого типа не числилось, и, как хотелось бы надеяться Гранту, вряд ли оно вдруг объявилось именно теперь. Убийства по заказу нагоняли на него смертную тоску. Его увлекала игра умов, переливы чувств. Как в этом случае с Даго и неизвестным. Что ж, нужно прежде всего постараться выяснить личность неизвестного – это послужит ниточкой к Даго. Почему убитого никто до сих пор не хватился? Правда, прошло совсем немного времени. Может, как раз сейчас его уже опознали? Ведь для домашних он, собственно, отсутствует всего одну ночь, а редко кто кинется на поиски, если брат или сын отсутствует всего одну ночь.

Терпеливо, спокойно и вежливо, но постоянно анализируя каждое выражение, Грант опросил всех семерых, которых наметил повидать – повидать в буквальном смысле слова. Он не рассчитывал получить от них непосредственную информацию – хотел только посмотреть на них сам и составить о каждом собственное мнение. Все они занимались своими обычными, повседневными делами; все – за исключением миссис Джеймс Рэтклиф, которая лежала в постели и к которой был вызван врач, констатировавший сильный шок. Грант разговаривал с ее сестрой – премиленькой девушкой с медового цвета волосами. Она вышла к нему в гостиную, явно приготовившись быть суровой с полицейским, осмелившимся побеспокоить ее больную сестру. Однако внешность представшего перед ней Гранта настолько расходилась с ее представлением о полиции, что, пораженная, она невольно еще раз взглянула на его визитную карточку, что весьма его позабавило, хотя он и сдержал улыбку.

– Я знаю, как ненавистен вам сам вид полицейского, – сказал он извиняющимся тоном, сказал почти без наигрыша, – но, с вашего разрешения, я хотел бы поговорить с вашей сестрой всего две минуты. Можете подождать у дверей и засечь время или, если хотите, присутствовать при разговоре. Ничего тайного в нем не будет. Просто мне поручено расследование, и в мои обязанности входит опросить тех семерых, кто прошлым вечером находился в непосредственной близости к убитому. Мне бы это ужасно помогло, если бы я покончил с опросами сегодня, с тем чтобы завтра заняться другими версиями. Вы меня понимаете? Чистая формальность, но мне это необходимо.

Как он и ожидал, его аргументы возымели действие.

– Пойду узнаю, может, сумею ее уговорить, – сказала девушка после небольшого колебания.

Чары инспектора были потрачены не впустую: видимо, девушка описала его сестре в таком выгодном свете, что та согласилась даже скорее, чем он рассчитывал.

Гранта провели в спальню, где он имел беседу с плачущей женщиной, которая упорно утверждала, что вообще не обращала внимания на стоявшего перед ней мужчину, пока тот не упал; при этом ее распухшие от слез глаза оглядывали Гранта с неистребимым любопытством. Рта ее он не мог рассмотреть: она прикрыла его, плотно прижав к губам носовой платок. Гранту очень хотелось, чтобы она хоть на мгновение отняла от лица этот злосчастный платок. У него была теория, что рот выдает человека куда больше, чем глаза, – в особенности когда речь идет о женщинах.

– Когда он упал, вы находились позади него?

– Позади.

– А кто стоял рядом с вами?

Она не могла вспомнить: все думали только об одном – как бы попасть в театр, и потом, не в ее привычках разглядывать людей на улицах.

– Мне очень жаль, – проговорила она слабым голосом, когда Грант прощался. – Я была бы рада помочь, будь это в моих силах. У меня этот нож постоянно перед глазами, я бы все отдала, только чтобы убийцу поскорее арестовали.

Выйдя от нее, Грант тут же сбросил свидетельницу со счета – пустой номер!

Встреча с ее мужем, ради которой Гранту пришлось отправиться в Сити, – разумеется, он всех их мог вызвать к себе в Ярд, но ему было важно увидеть, как каждый из них проводит день непосредственно после убийства, – была более плодотворной. По словам мистера Рэтклифа, когда отворили двери театра, вся очередь пришла в движение и ее порядок нарушился. Насколько ему помнилось, человек, до этого находившийся непосредственно рядом с женщиной, тотчас присоединился к своей четверке, стоявшей впереди. Так же как и его жена, он не обращал никакого внимания на мужчину, пока тот не повалился.

Остальные пятеро опрошенных на первый взгляд показались Гранту столь же непричастными к делу, и разговор с ними дал столь же мало. Никто из них не запомнил убитого. Как это могло случиться? – озадаченно подумал Грант. Он ведь, должно быть, стоял там с самого начала, иначе привлек бы к себе внимание: кто же станет спокойно смотреть, как человек лезет без очереди прямо у кассы? В этом случае даже самый ненаблюдательный невольно припомнил бы увиденное.

Грант вернулся в Ярд, так и не избавившись от этого чувства легкого недоумения.

Он дал знать в редакции газет, чтобы поместили объявление с просьбой всякого, кто заметил человека, покинувшего очередь перед открытием кассы, связаться со Скотленд-Ярдом. Вдобавок Грант просил дать подробное описание убитого и краткое сообщение о ходе расследования. Затем он призвал Уильямса и выслушал отчет о его действиях. Тот доложил, что фотографии отпечатков пальцев убитого уже переданы в информационный отдел, но в их картотеке таковые не значатся. Эксперт-оружейник не обнаружил на револьвере никаких особых примет.

Вероятно, он был куплен с рук, довольно долго находился в употреблении и, разумеется, квалифицировался как опасное и мощное оружие.

– Тоже мне эксперт! – пренебрежительно фыркнул Грант, чем вызвал у Уильямса улыбку.

– Он, по крайней мере, сказал, что револьвер без особых примет, – заметил последний и затем добавил, что перед тем, как послать оружие на экспертизу, он проверил его на предмет отпечатков пальцев. Их оказалось много, и он, Уильямс, распорядился их сфотографировать. Снимки вот-вот будут готовы.

– Молодчина, – отозвался Грант и отправился к старшему инспектору, прихватив снимки с отпечатков пальцев неизвестного. Он кратко доложил Баркеру о результатах однодневной работы, оставив при себе домыслы относительно Даго. Грант заметил лишь, что преступление носит непривычный для англичанина характер.

– Да уж, ключики у нас не ахти какие, – подвел итог Баркер. – Ничего, кроме кинжала, да и тот относится скорее к области приключенческого романа, чем к нормальному преступлению.

– Согласен. Я того же мнения, – отозвался Грант. – Интересно, большая ли сегодня будет очередь в театре «Уоффингтон»? – прибавил он без всякой видимой связи с предыдущим.

Человечеству так и не суждено было узнать мнение величественного Баркера по поводу столь захватывающей проблемы, потому что как раз в этот момент явился Уильямс.

– Вот отпечатки пальцев с револьвера, сэр, – отчеканил он, раскладывая на столе фотографии.

Грант без особого энтузиазма стал перебирать их, сравнивая с теми, которые зачем-то принес с собой. И тут же замер, весь напрягшись, как пойнттер в стойке: четких отпечатков было всего пять и еще, помимо них, несколько смазанных; но среди них не было ни одного, который совпадал бы с отпечатками пальцев убитого. К фотографиям прилагалось заключение экспертов: в полицейской картотеке эти отпечатки не значились.

Вернувшись к себе, Грант погрузился в глубокое раздумье. Что все это означало и что давало следствию? Значило ли это, что револьвер не принадлежал убитому? Может, он взял его

у кого-нибудь на время? Но и в таком случае остались бы хоть какие-то, пусть едва заметные следы, свидетельствующие о том, что револьвер некоторое время находился у него в руках. А вдруг он и на самом деле никогда не принадлежал убитому? Может, револьвер просто подбросили – опустили ему в карман? Однако маловероятно, чтобы такой тяжелый и довольно объемистый предмет можно незаметно положить в чужой карман. Верно: живому не подкинешь. А если его подкинули после удара ножом? Но зачем? Для чего? Ни одного, даже самого неправдоподобного объяснения не приходило в голову. Грант вынул стилет из конверта, стал разглядывать его в микроскоп, но и это занятие не принесло озарения. Он явно засиделся. Надо пойти прогуляться. Был всего шестой час. Он пройдет, пожалуй, до театра «Уоффингтон» и переговорит со служителем, который прошлым вечером стоял у дверей.

Вечер выдался ясный, безветренный, и на фоне розовеющего неба перед ним в сиреновой дымке возникла четкая, словно набросанная густыми мазками, панорама города. Грант с наслаждением вдохнул полной грудью. Пахло весной. Когда выследит Даго, он всеми правдами и неправдами – под предлогом болезни, если понадобится, – выбьет себе несколько дней отпуска и отправится куда-нибудь с удочками. Только вот куда? Лучшая рыбалка – в Шотландии; правда, народ там подбирается на редкость неинтересный. Поедет-ка он, пожалуй, на Тест, в район Стокбриджа. Форели там негусто, зато уютная пивная и отличная компания. Там можно будет взять напрокат верховую лошадь, да и треки там прекрасные. А сам Хэмпшир в весеннюю пору!..

Итак, быстрым шагом идя по набережной, Грант думал о разных разностях, только не о деле. Таков был его личный метод. Баркер, например, действовал по принципу: «Жуй да перемалывай! Жуй без передышки, пока бодрствуешь и когда спишь, – тогда в конце концов обнаружишь, что ищешь». У Баркера это получалось, но Гранту решительно не подходило. Он как-то объяснил Баркеру, что, когда долго жует, у него сводит скулы, а от боли в деснах он уже ни о чем думать не в состоянии. И это была чистая правда. Если что-либо ставило его в тупик и он принимался неотвязно об этом раздумывать, то в итоге напрочь терял ощущение реальности. Вот почему, когда у Гранта не оставалось никаких идей, он прибегал к тому, что называл «зажмуриться». А после этого он снова как бы «открывал глаза» – и все знакомые факты виделись ему уже в ином свете, что помогало найти новый подход к застарелой проблеме.

В «Уоффингтоне» уже прошел дневной спектакль. Театр встретил Гранта зачехленным безлюдьем в зале и неряшливым убожеством за кулисами. Швейцар находился в помещении театра, но никто не знал, где именно. Перед началом вечернего представления, как выяснилось, выполняемые им функции были многообразны и многочисленны. После того как запыхавшиеся гонцы возвратились один за другим из чрева театра с сакраментальной фразой: «Его нигде не видно, сэр», Грант сам принялся за поиски и наконец изловил этого джентльмена в одном из полутемных коридоров за сценой. Стоило Гранту объяснить, кто он такой, как привратник, гордый оказанным ему доверием, стал на диво словоохотлив. То, что актеры, эти аристократы сцены, допускали его до себя, было ему не в диковинку; зато далеко не каждый день выпадает шанс пообщаться на равных с лицом гораздо более значительным – с самим инспектором уголовного отдела Скотленд-Ярда. Он весь сиял; он постоянно поправлял форменную фуражку; он перебирал орденские ленточки на лацкане; он то и дело вытирал вспотевшие ладони о штаны и в угоду инспектору, без всякого сомнения, готов был бы признать, что своими глазами видел в очереди обезьяну. Грант стонал про себя, но его второе «я», всегда выполнявшее роль стороннего наблюдателя, оценило по достоинству колоритность старика и зафиксировало в памяти его облик на всякий случай – а вдруг когда-нибудь пригодится? Для хорошего детектива со временем это становится своего рода второй натурой. Грант уже собирался вежливо распрощаться с этим воплощением преданной бесполезности, как вдруг мелодичный голос за его спиной произнес:

– Инспектор Грант? Неужели это вы?

Он обернулся и увидел Рей Маркейбл. Она была в обычном уличном платье и, очевидно, направлялась в гримерную.

– Хотите подработать? Боюсь, мы не сможем вам дать даже самой крошечной роли без слов, ведь уже скоро начало.

Она слегка улыбалась своей знаменитой дразнящей полуулыбкой, ласково поглядывая на него из-под полуопущенных век. Они познакомились год назад, когда у нее украли чудовищно дорогую шкатулку – подарок одного из ее самых богатых поклонников, и хотя с тех пор ни разу не виделись, она явно запомнила Гранта. Он невольно почувствовал себя польщенным, при этом его второе «я» тут же отметило это обстоятельство и ехидно хихикнуло. Грант объяснил причину своего визита в театр, и улыбка тотчас же сбежала с ее лица.

– Бедняга! – проговорила она. – Да и вы, инспектор, тоже! – И она легко коснулась его руки. – Небось весь день вели допросы? И в горле совсем пересохло? Пойдемте-ка выпьем чаю у меня в гримерной. Моя горничная уже там, сейчас она нам все приготовит. А мы уже укладываемся. Это всегда грустно, мы так долго здесь играли.

Она провела его в свою гримерную – комнату, наполовину состоящую, казалось, из зеркал и шкафов с костюмами и больше похожую на цветочный магазин, чем на жилое помещение.

– В мою квартиру они больше не вмещаются, поэтому приходится оставлять их здесь, – заметила она, небрежным жестом указывая на цветы. – А в больницах очень вежливо, но твердо отвечают, что они уже взяли столько, сколько смогли, и больше не требуется. Не могу же я, право, объявить, как делается иногда на похоронах: «Просим цветов не приносить»! Публика обидится.

– Это единственное, чем люди могут выразить вам свою признательность.

– О, разумеется. Я понимаю. И я благодарна. Даже очень. Только все хорошо в меру.

Она налила ему чай, а горничная достала коробку с крекерами. Он размешивал сахар, а Рей наполняла свою чашку – и вдруг он невольно дернулся, как конь, когда неопытный наездник резко натягивает поводья, – она была левшой!

«Ну и дела! Да ты, братец, не только заслужил отдых, ты в нем просто остро нуждаешься! – с отвращением к самому себе подумал он. – С чего тебе взбрело в голову придавать этому факту особое значение? Как ты думаешь, сколько таких в Лондоне? Наверное, целая уйма. Это уже какая-то болезненная подозрительность!»

Чтобы прервать молчание, а также оттого, что эта мысль не давала ему покоя, Грант вдруг произнес:

– А вы, оказывается, левша.

– Да, – равнодушным тоном, как того и заслуживал такой пустяк, подтвердила она и стала расспрашивать о ходе расследования. Он сообщил ей только то, что должно было появиться завтра в утренних выпусках, и перешел к описанию стилета как наиболее примечательной детали этого дела.

– Его ручка выполнена в виде фигуры святого – из серебра, с синей и красной эмалью.

На миг что-то странное промелькнуло в безмятежных глазах Рей Маркейбл.

– Что-что? – вырвалось у нее.

Он едва не спросил, не видела ли она где-нибудь такой же стилет, но передумал, мгновенно сообразив, что Рей наверняка ответит отрицательно; он же выдаст свой особый интерес к этому предмету.

– Святой? Как забавно! И как неуместно. С другой стороны, когда решаешься на такой отчаянный шаг, как убийство, вероятно, ждешь чьего-то благословения.

Спокойная, ласковая, она протянула левую руку, чтобы взять у него чашку, и пока наполняла ее снова, он невольно отметил, как прекрасно актриса владеет собой, тут же подумав: может, он опять проявляет нездоровую подозрительность?

«Ну нет, – отозвался его внутренний голос, – ты, может быть, и страдаешь от избытка воображения, но оно у тебя еще не настолько большое, чтобы видеть то, чего нет на самом деле».

Они заговорили об Америке, которую Грант хорошо знал и куда она как раз отправлялась в свое первое турне, и к тому времени, когда Грант собрался уходить, он был искренне благодарен ей за чай. В деловой суматохе он совсем забыл, что ничего не ел с самого утра. Теперь можно было не спешить с обедом. Покидая театр, Грант попросил у швейцара прикурить и в процессе обмена дружескими репликами успел выяснить, что предыдущим вечером с шести и до момента своего первого выхода мисс Маркейбл оставалась в своей примерной. «У нее был лорд Лансинг», – сообщил швейцар, выразительно подняв бровь.

Грант улыбнулся, кивнул на прощанье, но когда отошел и двинулся по направлению к Ярду, то уже не улыбался. Чем объяснить странное выражение, промелькнувшее в глазах Рей Маркейбл? Не страхом, нет. Тем, что она узнала стилет по описанию? Скорее всего, так. Да, наверняка.

Глава третья

Денни Миллер

Грант открыл глаза и раздумчиво уставился на потолок. Последние несколько минут он практически уже не спал, однако мысль еще работала вяло: мешала сонливость и ощущение, что утро выдалось холодное. Тем не менее даже в этом сонном состоянии в нем с каждым мгновением крепло чувство внутреннего дискомфорта. Ему предстояло нечто неприятное. Чрезвычайно неприятное. Растущее чувство беспокойства прогнало остатки сна; именно в этот момент он открыл глаза, созерцая полосы утреннего солнечного света и узорчатую тень от листьев комнатной пальмы. И сразу же догадался о причине неприятного ощущения: наступил третий день расследования, то есть день слушания дела, а ему нечего предъявить коронеру. Он даже и на след еще не напал.

Мысленно Грант вернулся к событиям прошедшего дня. Еще утром, обнаружив, что личность убитого не установлена, он отдал Уильямсу галстук – самую новую и наиболее индивидуальную вещь из всех, что принадлежали мужчине, – и поручил обойти городские галантерейные магазины. Как и остальная одежда, галстук был приобретен в одном из многочисленных филиалов известной фирмы, и надежды, что кто-то из продавцов запомнил человека, купившего у него именно этот галстук, не было почти никакой. Да если такой продавец и отыщется, то вовсе не обязательно, что он запомнил именно того, кто им сейчас нужен. В одном только Лондоне отделения фирмы «Братья Феар» за день, надо полагать, продают десятки, а то и сотни галстуков с таким рисунком. Однако какой-то, пусть крошечный шанс все-таки был; Гранту в его практике слишком часто приходилось сталкиваться с совершенно непредсказуемыми ситуациями, и он приучил себя просчитывать до конца все, даже самые безнадежные варианты. Уильямс собрался было отправиться на задание, и тут Гранта впервые с начала расследования осенила идея: а не был ли убитый сам продавцом в одном из отделов готового платья? Тогда, возможно, он вряд ли покупал свою одежду обычным порядком, через продавцов. А может быть, он даже служил в одном из магазинов «Братьев Феар»?

– Выясните, не было ли в последнее время в каком-то из их отделений продавца, по описанию похожего на убитого, – сказал он Уильямсу. – Обнаружьте хоть что-нибудь интересное, даже если это покажется вам незначительным, – сейчас же дайте мне знать.

Оставшись один, Грант стал просматривать утренние газеты. Варианты описания самого убийства его занимали мало, зато все остальные сообщения, начиная с колонки объявлений частного характера, он штудировал очень внимательно. Однако ничего стимулирующего мысль не обнаружил. Его собственная фотография с надписью «Инспектор Грант, которому поручено расследование убийства в очереди» заставила его нахмуриться.

– Идиоты! – проговорил он вслух.

Затем взялся за присланные из всех полицейских отделений Англии списки без вести пропавших. Таких набралось всего пять, причем один, из небольшого городка в Дархэме, по описанию напоминал убитого. После довольно долгих проволочек Гранту удалось связаться по телефону с дархэмской полицией, где ему сообщили, что пропавший – шахтер и лихой парень. Ни то ни другое никак не совмещалось с внешностью погибшего.

Остаток утра прошел в текущих делах – подготовке документов к судебному заседанию и прочих связанных с этим формальностях. Когда время близилось к ланчу, позвонил Уильямс. Он находился в одном из наиболее крупных филиалов «Братьев Феар» на Стренде. Утро у него было утомительное и малопродуктивное. Никто не только не припомнил такого покупателя, но даже не помнил, продавал ли он в последнее время такой галстук. Сейчас галстуки этой расцветки к ним не поступали. Это заставило Уильямса поинтересоваться партией этих галстуков и привело в центральный магазин, где он прошел к управляющему и объяснил ему

суть дела. Управляющий, в свою очередь, попросил дать ему на время галстук: он отошлет его на фабрику-изготовитель в Норвуд, где имеются точные сведения о том, куда и в каких количествах доставлялся товар, скажем, в течение всего прошлого года. «Можно ли отдать галстук управляющему?» – спрашивал Уильямс.

Грант одобрил его действия и, отметив про себя разумный подход Уильямса к делу – многие на его месте так и продолжали бы обходить лондонские магазины, благо таков был приказ, – он не преисполнился оптимизма: по Шотландии и Англии у «Братьев Феар» насчитывались сотни отделений. Шансы несколько повысились, когда Уильямс явился вооруженный дополнительной информацией. Оказалось, такие галстуки паковались в коробку по шесть штук, и каждая коробка содержала галстуки разных оттенков, но одной цветовой гаммы. Каждый филиал получал, как правило, не больше одной, от силы двух коробок. Соответственно, надежд на то, что продавец мог запомнить посетителя, купившего у него галстук определенного оттенка, стало больше, чем если бы все они оказались одинаковые. Грант-детектив с одобрением слушал рассуждения Уильямса, в то время как Грант-наблюдатель забавлялся тем, как сержант уснащает свою речь специальными терминами, принятыми в среде галстукоизготовителей. Полчаса, проведенные с менеджером «Братьев Феар», не прошли даром: обычно небогатая по словарю и простая по построению фраз речь Уильямса украсилась удивительными перлами в виде технических терминов. Он бойко сыпал словечками вроде «линии», «повторяющийся мотив» и прочими, еще более витиеватыми, пока наконец Гранту не стало мерещиться, что в мощной фигуре Уильямса, как на экране телевизора, он различает и самого менеджера. Тем не менее он остался доволен Уильямсом, о чем ему и сказал. Значительная часть обаяния Гранта как раз и состояла в том, что он никогда не забывал сказать доброе слово своим подчиненным.

Во второй половине дня, оставив надежду выяснить еще что-нибудь самому, он отослал стилет в лабораторию на анализ.

– Сообщите мне о нем все, что можете, – попросил он.

Вчера, когда он уходил, ответа все еще не было. Сейчас он зябко потянулся, придвинул к себе телефон, набрал нужный номер и спросил: «Есть что-нибудь новое?» – Ничего нового. Два человека заходили опознавать труп, но не признали. Да, их имена и адреса записаны, лежат у него на столе. И рапорт из лаборатории – тоже.

– Ясно! – сказал Грант, бросил трубку на рычаг и спрыгнул с постели.

Мысль заработала четко, дурные предчувствия рассеялись. Он насвистывал, принимая холодный душ, продолжал насвистывать, пока одевался, и его квартирная хозяйка сказала мужу, который спешил на восьмичасовой автобус: «Сдается мне, недолго осталось гулять на свободе этому анархисту». Для миссис Филд что убийца, что анархист было одно и то же. Сам Грант вряд ли согласился бы с таким оптимистичным заключением, однако мысль о лежащем для него на столе запечатанном конверте с рапортом радовала его, как мальчишку, которому достался пакетик с сюрпризом: может, в нем пустяк какой-нибудь, а может, и бриллиант. Грант перехватил устремленный на него, полный прямо-таки материнской заботы взгляд миссис Филд и, как бывало в детстве, вдруг спросил:

– Как вы думаете, ждет меня сегодня удача?

– Насчет удачи не знаю, мистер Грант. Не больно-то я в нее верю. Я верю в Провидение. И считаю, Провидение не допустит, чтобы убийца безвинного молодого человека не понес наказания. Полагайтесь на Господа, мистер Грант.

– А коли доказательства вины уж очень хлипкие, так на Господа и уголовную полицию, – по-своему переиначил ее всегдашнюю присказку Грант и принялся за яичницу с беконом.

Миссис Филд чуть-чуть помедлила, сокрушенно покачала головой и вышла, оставив его наедине с газетами и с завтраком.

По дороге на службу Грант размышлял над тем, почему до сих пор никто так и не опознал труп. По мере того как шло время, это обстоятельство вызывало все большее удивление. В

Лондоне действительно каждый год объявлялось несколько трупов, которые, пролежав какое-то время не востребованными, захоранивались в могилах для бедняков. Но, как правило, это были либо старики, либо нищие, а чаще и те и другие – в общем, городские отбросы, от которых задолго до их смерти отреклись и родственники, и друзья; к тому времени, когда наступал конец, не находилось никого, кто знал бы что-нибудь об их прошлой жизни. За все время службы в полиции Грант ни разу не был свидетелем того, чтобы человек такого типа, как погибший, – человек, наверняка имевший обычный круг знакомых, – оставался неопознанным. Будь он даже приезжий – иностранец или из провинции, во что Гранту не верилось: весь внешний вид мужчины говорил о том, что он был коренным лондонцем, – сейчас он наверняка жил в Лондоне или поблизости – в гостинице, в клубе, – где его уже давно должны были бы хватиться. Объявления в газетах с настоятельной просьбой немедленно сообщить в Скотленд-Ярд о любом пропавшем непременно должны были заставить поторопиться с таким сообщением.

Но если он местный – а Грант был в этом почти уверен, – почему не объявились его родственники или квартирная хозяйка? Ответ напрашивался сам собой: либо эти люди считали его последним негодяем, либо сами они почему-либо не хотели привлекать к себе внимание полиции. Банда? Банда, которой нужно избавиться от одного из соратников? Но бандиты, как правило, не дожидаются, пока человек окажется в очереди, чтобы свести с ним счеты. Они выбирают менее рискованные способы. Если только... да, убийство могло быть задумано как возмездие и предупреждение другим. Убийство несомненно носило демонстративный характер. Об этом говорило многое: и выбор оружия, и то, что человек был заколот в публичном месте – в толпе, в которой можно скрыться; наконец, сама дерзость, с которой замысел был приведен в исполнение. При подобной расправе предатель получал свое, а остальным это должно было послужить суровым уроком. Чем дольше Грант прокатывал эту версию, тем вероятнее представлялось ему именно такое объяснение загадки. Причастность к убийству какого-то тайного общества он исключил для себя с самого начала и продолжал считать так до сих пор. Месть тайного общества никак не помешала бы друзьям покойного заявить о его исчезновении и востребовать тело. Провинившийся член банды – совсем иное дело. В этом случае его приятели либо знали, либо наверняка догадывались, как и почему он умер, а потому вели себя осмотрительно и не высывались.

Подходя к Ярду, он стал перебирать в памяти наиболее крупные банды, которые в настоящий момент резвились в Лондоне. Из них, без сомнения, самую значительную возглавлял Денни Миллер. Уже три года, как он «гулял на воле», и если ни на чем не сорвется, то будет гулять еще долго. Денни вернулся из Америки, отсидев свой второй срок за ограбление; вернулся, набравшись ума и веры в американскую идею групповой организации. Английский мошенник – индивидуалист по натуре и с почтением относится к британской уголовной полиции. В результате, хотя его подручным случалось оступаться и расплачиваться за легкомыслие недолгой отсидкой, сам Денни оставался на свободе, преуспевал, и, к неудовольствию уголовного отдела, даже чересчур преуспевал. Надо сказать, в расправах с врагами Денни был беспощаден, как умеют быть беспощадными одни американские гангстеры. Его любимым оружием был револьвер, но и всадить в человека нож для него было все равно что прихлопнуть надоедливую муху. Грант решил, что стоит пригласить к себе Денни для разговора, а пока... пока на столе его дожидался пакет.

Грант с нетерпением вскрыл его и с таким же нетерпением пробежал глазами первую, полную несущественных деталей половину заключения. Автор рапорта – некто Бретертон – был склонен составлять бумаги языком выспренным и наукообразным. Если бы к нему на экспертизу отправили персидскую кошку, он наверняка посвятил бы всю первую страницу обоснованию того, почему шерсть у нее, согласно его экспертизе, серая, а не светло-коричневая, и только на второй добрался бы до сути. В данном же случае суть состояла в том, что чуть повыше места соединения лезвия с рукояткой Бретертон обнаружил пятнышко крови, не сов-

падающей с той, что осталась на лезвии. Основание, на котором держался святой, было полым, с маленькой зазубриной сбоку. Из-за крови зазубрина была незаметной. При нажатии один отбитый краешек приподнимался чуть выше другого. При ударе краешек этот выступил, и убийца, видимо, слегка поранил руку. Сейчас у него, вероятно, на левой руке сильный порез либо на указательном пальце со стороны большого, либо на большом со стороны указательного.

«Это все замечательно, – подумал Грант, – однако просеять весь Лондон в поисках левши с царапиной на пальце и за одно это его арестовать? Невозможно!»

Он послал за Уильямсом и, когда тот явился, спросил:

– Вы не знаете, где сейчас проживает Денни Миллер?

– Нет, сэр, не знаю. Но Барбер наверняка в курсе. Он только что вернулся из Ньюбери, и про Денни ему известно все.

– Тогда выясните. Или нет, лучше пришлите его сюда.

Явился Барбер – высокий, медлительный, с обманчиво сонной улыбкой, – и Грант повторил свой вопрос.

– Денни Миллер? – немедленно откликнулся Барбер. – Конечно знаю. Снимает апартаменты на Эмбер-стрит, в районе Пимлико.

– Да? Что-то он в последнее время затих.

– Мы так считали. Я-то думаю, ограбление ювелирного магазина, которое сейчас расследуют наши в Гоубридже, – его рук дело.

– Мне казалось, он специализируется по банкам.

– Так оно и есть. Но он завел себе новую «практику». Возможно, ему нужны наличные.

– Понятно. Номер его телефона знаете?

Барбер знал и это.

Часом позже Денни, неспешно и тщательно занимавшийся своим туалетом у себя на Эмбер-стрит, был поставлен в известность, что инспектор Грант был бы весьма признателен, если бы Денни посетил его в Ярде для краткой беседы.

Бледно-серые настороженные глаза Денни внимательно оглядели явившегося к нему с этой просьбой человека в цивильном платье.

– Если он считает, у него что-то на меня есть, пусть подумает еще раз.

Насколько ему известно, заявил штатский господин, инспектору нужна всего лишь информация!

Ах так? И что же инспектор сейчас инспектирует?

Штатский либо не знал, либо не пожелал сообщить.

– Ладно, – произнес Денни. – Сейчас буду.

Денни, который был строен и мал ростом, предстал перед Грантом в сопровождении внушительных объемов констебля; после чего, кивнув в сторону удалявшейся плотной фигуры, произнес, насмешливо двинув бровью:

– Надо же! Докладывают о моем прибытии! Нечасто мне выпадает такая честь!

– Верно, – в тон ему отозвался Грант. – Чаше случается как раз обратное: нам докладывают о вашем отбытии.

– Вы шутник, инспектор. Вам палец в рот не клади. Надеюсь, вы не думаете, что у вас на меня что-то есть?

– Отнюдь нет. Я жду от вас помощи.

– Польщен, – сказал Денни то ли в шутку, то ли вполне серьезно.

– Не знаком ли вам вот такой человек? – спросил Грант и стал подробно описывать убитого, между тем как его глаза не отрывались от лица Денни, а мысли были заняты тем, что видели глаза. Перчатки! Как бы, не выдавая своего интереса, вынудить Денни снять перчатку с левой руки?

Наконец, когда Грант завершил свое описание, не забыв упомянуть даже об особенностях походки – левой ступне, чуть повернутой внутрь, – Денни спокойно сказал:

- Мне жаль вас разочаровывать, инспектор. В жизни не встречал этого человека.
- Вы не откажетесь пройти вместе со мной и взглянуть на него?
- Если это вас успокоит – пожалуйста. Всегда готов оказать вам услугу.

Инспектор с отсутствующим видом сунул руку в карман и достал пригоршню монет, будто бы собираясь убедиться перед уходом, что у него есть мелочь. Шестипенсовик скользнул у него между пальцев и покатился по гладкой поверхности стола по направлению к Миллеру. Тот непроизвольно подставил руку, чтобы монета не скатилась на пол. Он неуклюже словил ее рукой в перчатке и положил на стол.

- Скользкие штучки, – заметил он невозмутимым, вполне дружелюбным тоном.
- Денни словил монету правой, а не левой рукой.

В машине, пока они ехали к моргу, Денни повернулся, беззвучно выдохнул воздух, что у него означало смех, и проговорил:

- Увидел бы меня сейчас кто-нибудь из моих парней, так и пяти минут не прошло, как они мчались бы уже со всех ног в Саутгемптонский порт. И пожитки не стали бы паковать.
- Ну мы бы и сами все запаковали и назад доставили.
- Небось думаете, вы нас всех под колпаком держите? Хотите поспорим? Ставлю пять против одного в долларах – нет, лучше в фунтах, – пять против одного, что в ближайшие пару лет вам никого из нас не засадить. Не хотите? Ну и правильно делаете.

Когда Миллер подошел к телу убитого, Грант, как ни старался, не смог уловить ни тени волнения на бесстрастном лице Денни. Холодные серые глаза Миллера равнодушно, почти без всякого интереса оглядывали мертвеца. И Гранту стало ясно, что, даже узнай Миллер этого человека, надеяться на то, что он себя выдаст словом или жестом, было совершенно напрасно.

– Нет, – повторил Денни. – Не видел этого человека никогда в... – Он вдруг замолчал, а потом воскликнул: – Да нет, я его видел! Черт, дайте-ка вспомнить! Где это было? Где? – Ладонью, затянутой в перчатку, он стал хлопать себя по лбу.

«Неужели это игра? – подумал Грант. – Если так, то очень талантливо сыграно. Хотя от такого, как Миллер, другого ожидать было трудно».

– Нет, никак не вспомню! Я даже говорил с ним! Имя его я вряд ли знал, но говорил с ним – это точно!

В конце концов Гранту пришлось отказаться от дальнейших расспросов – ему еще предстояло судебное заседание. Но Миллер никак не мог успокоиться. Сознание, что его подвела собственная память, приводило его в бешенство, – такого с ним еще не случалось.

- Никогда не забываю лица, – твердил он упрямо. – У меня память на лица, как у шпика.
- Если вдруг вспомните – позвоните. А пока не выполните ли вы одну мою небольшую просьбу? Снимите, пожалуйста, перчатки.

Глаза Денни мгновенно вспыхнули и сузились, как щелка прицела.

- Это что еще за дела? – отрывисто произнес он.
- Да почему бы вам их не снять?
- Откуда мне знать, что вы задумали?
- Послушайте... – добродушно проговорил Грант. – Всего минуту назад вы готовы были заключить пари. Ну вот, я согласен. Снимите перчатки – и я вам скажу, выиграли вы или проиграли.
- А если проиграю?

– Вы же прекрасно знаете, у меня нет на руках ордера на ваш арест, – с улыбкой произнес Грант, спокойно встречая пытливый взгляд острых глаз-щелок.

Денни перестал упрямиться, и на лице его снова появилось вызывающе беззаботное выражение. Он снял правую перчатку и протянул Гранту руку. Грант молча кивнул. Тогда

Денни проделал то же самое с левой рукой, сунув при этом правую в карман пальто. Предложенная Гранту левая рука была чиста, цела и невредима.

– Вы выиграли, Миллер. Честно выиграли, как настоящий спортсмен, – сказал инспектор.

В тот же миг правый карман на пальто у Денни перестал оттопыриваться.

– Дадите знать, если вдруг на вас найдет озарение и вы вспомните. Идет? – сказал на прощание Грант.

– Можете не беспокоиться. Я не допущу, чтобы собственная память безнаказанно меня подводила.

Грант перекусил и отправился на предварительное слушание. Присяжные, быстро, в один присест завершив самую неаппетитную часть своей работы – ознакомление с трупом, – вернулись на свои места. Вердикт был известен заранее; им не нужно было ломать над ним голову. Теперь они могли целиком посвятить себя захватывающему занятию: слушанию всех подробностей самого нашумевшего из недавних преступлений из уст очевидцев. Грант глядел на них с иронией и благодарил Всевышнего, что ни его дело, ни его жизнь не зависят от их умственных способностей. Вскоре он и вовсе позабыл об их существовании и предался наблюдению за разворачивающимся перед ним фарсом – опросом свидетелей. Его всегда поражал контраст между мрачными событиями, о которых шла речь, и комическими типажам самих свидетелей. Он давно знал все эти типаж наперечет, но ему никогда не надоедало наблюдать, до чего четко они выдерживали каждый свою характерную роль. Вот констебль, тем вечером несший дежурство у очереди: он весь блестел и сиял, в особенности его потный лоб! Он был предельно точен в своих показаниях и несказанно доволен собой. Вот Джеймс Рэтклиф – типичный добропорядочный домовладелец, которому претит неожиданная шумиха вокруг его имени и очень не по вкусу сам факт причастности к неблагоприятному делу. Но, как честный гражданин, он полон решимости выполнить свой долг до конца. Такие люди, как он, являлись главной опорой законности и порядка. Инспектор знал это, как никто другой, и отнесся к нему с расположением, хотя тот ничего полезного для дела не сообщил. Он заявил, что не терпит очередей, и, пока еще было светло, читал, потом открылись двери, началась давка, и чтение пришлось прекратить. Затем настала очередь его супруги, которую инспектор видел плачущей и простертой на постели. Она, как и в тот раз, прижимала платочек ко рту и явно рассчитывала, что после каждого вопроса ее будут подбадривать и успокаивать. Ее допрашивали дольше всех, ведь она стояла непосредственно за убитым мужчиной.

– Следует ли нам понимать вас таким образом, будто, простояв почти два часа в непосредственном соседстве с этим господином, вы тем не менее не запомнили ни его, ни тех, кто с ним разговаривал, если таковые были? – спросил председательствующий.

– Но я вовсе не все время стояла за ним! Говорю вам, я обратила на него внимание, только когда он упал!

– Кто же тогда находился между ним и вами?

– Не помню. По-моему, какой-то мальчик. Или молодой человек.

– Ну и что с ним случилось потом?

– Не знаю.

– Вы заметили, как он отошел от очереди?

– Нет.

– Можете его описать?

– Да. Он был смуглый и... и похож на иностранца.

– Он был один?

– Не помню. Кажется, не один. По-моему, он с кем-то говорил.

– Как могло случиться, что вы так плохо помните то, что произошло всего три дня назад?

Она ответила, что была в шоке и поэтому все позабыла.

– Кроме того, – выпрямляясь, добавила она с вызовом; плохо скрытое презрение председательствующего, как видно, прибавило твердости ее слабому позвоночнику, – в очереди обычно никого не замечаешь. И я, и мой муж почти все время читали.

Тут она разразилась истеричными рыданиями.

Ее место заняла толстуха, обтянутая лоснящимся шелком, с лоснящимся от мытья мылом лицом. Она, видимо, уже отошла от оцепенения, в котором пребывала при первом опросе среди толпы в момент обнаружения трупа, и теперь с готовностью отвечала на вопросы. Она говорила, а ее красное расплывшееся лицо и маленькие темные глазки-пуговицы, казалось, выражали мрачное удовлетворение. Ей нравилась роль свидетельницы, и когда председательствующий, поблагодарив, прервал ее на полуслове, это ее явно разочаровало.

За ней последовал тихий коротышка, по подробности изложения не уступавший констеблю, но явно дававший всем понять, что он невысокого мнения о коронере. Когда сей долготерпеливый джентльмен позволил себе заметить, что ему прекрасно известно, как в очереди люди обычно стоят по двое в ряду, среди присяжных раздалась смешки, а коротышка оскорбился. Поскольку ни он, ни другие три свидетеля из очереди не помнили убитого в лицо и не заметили, как кто-нибудь отлучался, то их слушали невнимательно и долго не держали.

Швейцар, очень довольный тем, что именно он обладает самой важной информацией, сообщил, что и прежде видел убитого молодого человека, причем не один раз. Он бывал в «Уоффингтоне» постоянно. Однако ничего больше швейцар о нем не знал. Одевался молодой человек всегда очень хорошо. Нет, он не припоминает, с кем именно приходил покойный, но уверен, что иногда он бывал не один.

Атмосфера бесполезной говорильни во время слушания угнетающе подействовала на Гранта. Юноша, никому, по всей видимости, не известный, убит ударом кинжала в спину человеком, которого никто не видел. Никаких следов, оставленных убийцей, – за исключением кинжала, да и этот след указывал лишь на то, что у убийцы порез на большом или указательном пальце. Никаких следов, по которым можно выяснить личность убитого, лишь надежда, что один из продавцов фирмы «Братья Феар» вдруг да вспомнит человека, покупавшего у него светло-коричневый, с розовыми разводами галстук. После того как зачитали предсказуемый в этой ситуации вердикт о совершении убийства неизвестным лицом или несколькими лицами, Грант направился к телефону, обдумывая слова миссис Рэтклиф о молодом иностранце. Являлся ли этот иностранец чистой фантазией, навеянной упоминанием о кинжале? Или же это впечатление возникло у нее само по себе, странным образом совпав с его версией о Даго? Юного иностранца миссис Рэтклиф уже не было поблизости, когда обнаружили убитого. Он исчез, а тот, кто исчез, почти наверняка и был убийцей.

Ладно, сейчас он выяснит в Ярде, есть ли что-нибудь новенькое, и, если ничего не появилось, пойдет и подкрепитс чаем. Ему это просто необходимо. И потом, когда медленно прихлебываешь чай, хорошо думается. Это далеко не так мучительно, как пережевывание, предпринимаемое главою старших инспекторов, многоумным и благоразумным Баркером. Для Гранта вдумчивое, неторопливое размышление обо всех обстоятельствах являлось самым продуктивным. Среди его знакомых был один поэт, он же очеркист, который именно так, ритмично и монотонно прихлебывая чай, рождал лучшие свои творения. Пищеварительный тракт у него был в ужасном состоянии, зато он считался одним из лучших стилистов своего времени.

Глава четвертая

Рауль Легар

Однако по телефону Гранту сообщили нечто, заставившее его начисто позабыть о чае. Его ожидало написанное печатными буквами послание. Грант прекрасно понимал, что это означает. В Скотленд-Ярде был большой опыт по части таких посланий. Садясь в такси, Грант про себя улыбнулся. Если бы люди догадывались, что печатные буквы нисколько не помогают скрыть почерк! Он искренне надеялся, что никто об этом не догадается и впредь. Перед тем как распечатать конверт, он посыпал его специальным порошком и обнаружил массу отпечатков. Он аккуратно разрезал этот довольно объемистый, пухлый конверт, бережно придерживая его пинцетом, и достал пачку пятифунтовых банкнот и полстранички печатного текста. Текст состоял всего из одной фразы: «На похороны мужчины, найденного в очереди». Банкнот было пять. Итого – двадцать пять фунтов.

Грант опустил на стул и уставился на банкноты. Это был самый неожиданный случай за всю его службу в криминальном отделе. Сегодня где-то в Лондоне нашелся человек, который был привязан к покойнику настолько, что не пожалел двадцати пяти фунтов, только бы тот не лежал в общей могиле для бродяг и нищих, но востребовать его тело не пожелал. Можно ли было считать этот жест подтверждением версии о расправе с целью устрашения? Или же этими деньгами кто-то хотел заглушить укоры совести? Может, убийцей руководило суеверное желание таким образом загладить свою вину? Гранту это казалось маловероятным. Человека, спокойно пырнувшего своего ближнего ножом в спину, вряд ли будет волновать, что станется с телом его жертвы. Видимо, на сегодняшний день у покойника в Лондоне есть друг – мужчина или женщина, неизвестно, – и этот друг готов пожертвовать ради него двадцатью пятью фунтами.

Грант призвал Уильямса, и уже вдвоем они стали изучать простой дешевый белый конверт и прямые, жирные заглавные буквы.

– Так-то, – произнес Грант. – Что скажете?

– Мужчина, – откликнулся Уильямс. – Писать не привык. Опрятен. Курит. Угнетен.

– Пять с плюсом! Но в Ватсоны вы не годитесь, Уильямс. Больно догадливы: все пенки хотите сами снять, да?

Уильямс, который про Ватсона прекрасно все знал – сколько лихорадочных мгновений он, одиннадцатилетний, провел на сеновале в Ворчестершире, урывками глотая «Банду рыжих» и каждую минуту ожидая, что его вот-вот обнаружат родители, которые запрещали подобное чтение, – улыбнулся и сказал:

– Сдается мне, что вы из этого извлекли куда больше моего, сэр.

Но Гранту нечего было добавить – за исключением того, что, видимо, даритель такими делами заниматься не привык. Послать как раз те купюры, которые проще всего идентифицировать, – это надо же!

Грант «попудрил» и листочек бумаги, но на нем отпечатков пальцев не оказалось. Он вызвал констебля и отправил с ним бесценный конверт и банкноты в фотолабораторию. Клочок бумаги с печатными буквами был отослан в дактилоскопический отдел.

– Банки сегодня уже закрылись, как это ни печально. Вы торопитесь домой к своей хозяйке, Уильямс?

Уильямс не торопился. Его «хозяйка» уехала с ребенком на неделю к своей матери в Саутенд.

– В таком случае мы сегодня пообедаем вместе и вы поделитесь со мной своими ценными идеями касательно убийств в очередях.

Несколько лет назад Грант получил значительное наследство – вполне достаточное для того, чтобы, будь у него такое желание, уйти в отставку и провести остаток дней в праздной безвестности. Однако Грант любил свою работу, что не мешало ему временами проклинать ее и говорить, что у него собачья жизнь. Полученные деньги он употребил на то, чтобы по возможности скрасить эту жизнь, исключить из нее неприятные моменты и устроить так, чтобы этих неприятных моментов стало поменьше и в жизни других. На южной окраине появился маленький продуктовый магазин – своего рода бриллиант среди ему подобных. Своим появлением он был обязан Гранту, а также случайной встрече с одним человеком, только что покинувшим тюремные стены. Благодаря Гранту он туда попал и благодаря ему же получил возможность начать новую жизнь, став хозяином магазина. Это же наследство позволило Гранту сделаться постоянным посетителем такого престижного ресторана, как «Лорен», и, что куда важнее и удивительнее, попасть в любимчики к метрдотелю. Во всей Европе лишь пять особ могли похвастаться благосклонностью старшего распорядителя «Лорена», и Грант очень дорожил выпавшей ему честью, хотя нисколько не обольщался относительно ее причины.

Они вошли в зеленый с золотом зал ресторана «Лорен», и Марсель встретил их почти у входа. Его лицо выразило крайнюю степень озабоченности. Он просто в отчаянии: во всем зале не осталось ни одного свободного столика, который подошел бы месье. Ни одного – за исключением вон того, совсем уж неприличного, в углу. Месье не дал знать заранее, что собирается посетить их. Он, Марсель, безутешен, просто безутешен.

Грант без тени протеста занял столик, о котором столь пренебрежительно отозвался Марсель. Он был голоден, и ему было безразлично, где сидеть, – только бы его вкусно накормили; за исключением того, что столик находился в непосредственной близости от двери, ведущей в кухню, других недостатков Грант за ним не обнаружил. Кухонную дверь прикрывали зеленые створки ширмы, и, когда двери за ними раздвигались, мелодичное позвякивание посуды на кухне оглушало, как шелканье кастаньет. За обедом Грант решил, что Уильямс с утра обойдет все банки в районе, указанном на штемпеле, и постарается выяснить все возможное касательно банкнот. Это, вероятно, не составит большого труда – банки всегда с охотой оказывали им полное содействие. После этого они стали обсуждать само преступление. Уильямс был убежден, что здесь замешана банда: покойный провинился и, зная об этом, взял у одного из приятелей оружие, но не успел им воспользоваться. Сегодняшние деньги посланы все тем же, втайне сочувствовавшим ему приятелем. Версия выглядела неплохо, но объясняла далеко не все. Например, почему при убитом не было ничего, позволяющего выяснить его личность?

– Может, потому, – резонно заметил Уильямс, – что у бандитов такое правило: не носить при себе никаких документов, на случай если поймают.

Это было вполне допустимое объяснение, и Грант замолчал, раздумывая над ним. Подали салаты, и тут вдруг Грант – тем шестым чувством, которое за годы службы в уголовном отделе и в особенности после пребывания на Западном фронте обострилось у него до чрезвычайности, – уловил, что за ним наблюдают. Удержавшись от того, чтобы немедленно обернуться – он сидел спиной к залу и лицом к кухонной двери, – Грант как бы невзначай посмотрел в зеркало. Однако, казалось, никто не обращал на него ни малейшего внимания. Грант продолжал есть, но через некоторое время повторил свой маневр. Со времени их прихода зал заметно опустел, и оставшиеся были все на виду.

Зеркало отражало лишь курящих, жующих или пьющих людей. И тем не менее Грант продолжал ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. От этого упорного тайного наблюдения у него даже мурашки пошли по телу. Поверх головы Уильямса он посмотрел в направлении створок, прикрывавших выход на кухню, и тут же заметил глаза, следившие за ним сквозь щелку. Очевидно догадавшись, что их обнаружили, глаза мигнули и исчезли, а Грант как ни в чем не бывало продолжал есть. Он решил, что это какой-нибудь не в меру любопытный официант. «Вероятно, узнал меня и хочет поглазеть на человека, близко связанного с убийством», –

подумалось ему. Любители поглазеть всегда действовали ему на нервы. Но, на полужестком взглянув в сторону двери, он снова поймал на себе все тот же изучающий взгляд. Это, пожалуй, было чересчур. Уже не скрываясь, Грант тоже посмотрел прямо туда. Однако обладатель глаз, видимо, полагал, что его нельзя заметить, и продолжал свою слежку. Время от времени, когда мимо ширмы проходил официант, глаза исчезали, но неизменно возвращались вновь, и Гранту захотелось взглянуть на того, кто так внимательно его изучал.

– За створками кто-то проявляет к нам нездоровый интерес, – сказал он Уильямсу, который сидел спиной к выходу на кухню. – Как только я щелкну пальцами, отведите правую руку назад и сбейте ширму. Постарайтесь, чтобы это выглядело как случайность.

Он выждал паузу в передвижении официантов и, когда глаза снова оказались прикованными к его лицу, легонько щелкнул пальцами. Уильямс двинул своей могучей рукой, ширма покачнулась и упала набок. Никого. Только раскачивающиеся двери выдавали чье-то поспешное бегство.

Уильямс громко извинился за свою неловкость, а Грант решил не придавать этому эпизоду большого значения. Тем более что идентифицировать человека по одним глазам – задача неразрешимая. Они с Уильямсом без дальнейших осложнений мирно завершили свой обед и отправились в Ярд в надежде, что снимки с отпечатков пальцев уже готовы.

Снимков все еще не было, зато пришел ответ из Норвуда о галстуках «Братьев ФEAR». В прошлом году всего одна коробка галстуков с таким рисунком в количестве шести штук разных оттенков была отослана по повторному заказу в филиал города Ноттингема. Дирекция выражала готовность оказать и в будущем любую необходимую помощь, а галстук посылала обратно.

– Если до завтрашнего дня больше ничего не прояснится, я сам поеду в Ноттингем, пока вы тут будете разбираться с банками, – сказал Грант.

Затем явился наконец человек со снимками, и Грант взял со стола для сравнения уже имеющиеся у него фотографии отпечатков пальцев – снятых у убитого и обнаруженных на револьвере. Согласно экспертизе, на банкнотах все отпечатки были смазанные, и потому Грант и сержант Уильямс сразу занялись отпечатками пальцев с конверта. Как и следовало ожидать, различных отпечатков оказалось множество, поскольку с момента отправления пакет прошел через много рук. Однако в правом углу с обратной, заклеенной стороны был один четкий и целый отпечаток указательного пальца, и без малейшей тени сомнения он был тот же, что и на рукоятке револьвера, найденного в кармане убитого.

– Что ж, это только подтверждает вашу версию о приятеле, одолжившем револьвер, – заметил Грант.

Сержант издал какой-то странный звук, словно поперхнувшись, и как замороженный продолжал смотреть на конверт.

– В чем дело? Тут же все ясно как дважды два!

Уильямс выпрямился и как-то странно посмотрел на своего шефа. Дрожащим пальцем он указал на отпечаток в самом нижнем углу слева и одновременно пододвинул снимки отпечатков покойника, лежавшие в стороне, к самому носу Гранта.

– Готов поклясться, что не перебрал со спиртным, сэр. Но либо это все же случилось, либо вся дактилоскопия ни к черту не годится. Взгляните сами!

Наступила пауза: инспектор сравнивал оба снимка, а сержант, с опаской глядя через его плечо, уверился, что не ошибся. Полоски и завитушки на обоих неумолимо свидетельствовали о том, что отпечатки в нижнем углу принадлежали покойнику. Гранту потребовалось не более двух минут, чтобы найти объяснение этому поразительному факту.

– Общие письменные принадлежности – только и всего, – произнес он небрежно, между тем как Грант – сторонний наблюдатель пристыдил Гранта-инспектора за то, что он позволил себе, хоть на краткий миг, испытать ребяческое изумление.

– Ваша версия, Уильямс, расцветает на глазах. Человек, одолживший оружие и пославший деньги, жил вместе с покойным. А раз так, то по поводу исчезновения приятеля он мог наплести что угодно и кому угодно – начиная от квартирной хозяйки и кончая женой. Посмотрим, что нам имеет доложить эксперт по почеркам, – сказал Грант, набирая номер.

Но эксперт не имел доложить ничего такого, о чем уже не знал или не догадался сам Грант. Бумага была самого обыкновенного типа, какую можно купить в любом киоске и у любого книжного прилавка. Печатные буквы выведены мужчиной. Будь у них в руках образец почерка подозреваемого, можно было бы установить, сходен ли он с тем, что на клочке бумаги. Пока же больше ничего сказать нельзя.

Уильямс отправился к себе – во временно осиротевшее жилище, утешая свое любвеобильное сердце мыслью, что неделя пролетит незаметно и что миссис Уильямс вернется из Саутенда заметно похорошевшая, а Грант, оставшись один, принялся сверлить глазами стилет, будто надеясь, что под его гипнотическим взглядом тот выдаст наконец свою тайну.

Стилет лежал на темно-зеленой кожаной поверхности стола – изящная, коварная, игрушечная вещица. Тонкое хищное лезвие являло странный контраст святому на рукоятке, с глупым маловыразительным лицом. Как это сказала Рей Маркейбл? «Когда собираешься совершить такое серьезное дело, тебе требуется чье-то благословение».

Нет, решил Грант, сам бы он для выполнения важнейшего деяния своей жизни выбрал себе более могущественное покровительство, чем этот дутый святой на рукоятке. Мысли Гранта перенеслись к Рей Маркейбл.

Утренняя пресса была полна сообщениями о ее предстоящем отъезде в Америку – популярные газеты писали об этом с глубоким сожалением; некоторые же – те, что читали снобы, – с горечью и негодованием по поводу английских менеджеров, которые допустили, чтобы самая блестящая из звезд музыкальной комедии нынешнего поколения покидала Англию.

Может, ему наведаться к Рей и спросить ее прямо, отчего ее удивило описание кинжала? Между нею и преступлением не могло быть никакой, даже самой отдаленной связи. Он знал ее предысторию – видел небольшое полузаброшенное строение в унылом пригороде, которое она называла своим родным домом; знал обычную городскую школу, где она училась, знал ее настоящее имя – Розы Маркхэм. В связи с делом о краже шкатулки он даже встречался с мистером и миссис Маркхэм. Казалось невероятным, чтобы она могла пролить хоть какой-нибудь свет на «убийство в очереди», как его окрестили газеты. И уж совсем невероятно, чтобы она захотела сделать это, даже если бы могла. У нее имелся шанс откровенно рассказать ему все, что знала, пока они пили чай, но она вполне сознательно не воспользовалась им, оставив Гранта в неведении. А то, о чем она умолчала, вероятно, было сущим пустяком. Возможно, она и узнала кинжал по его описанию в газетах, но это не имело никакого отношения к убийству. Стилет этот вовсе не был единственным в своем роде, подобные «игрушки» были довольно популярны. Нет, в любом случае еще одно интервью с мисс Маркейбл вряд ли принесет ему какое-то удовлетворение. Пусть себе спокойно отправляется в Соединенные Штаты.

С досадливым вздохом по поводу хранящего молчание кинжала Грант запер его в ящик стола и отправился домой. Он вышел на набережную. Ночь была безветренная, в воздухе стоял легкий морозный туман, и он решил пройтись пешком. Его всегда завораживали ночные улицы Лондона; они были прекрасны и так не похожи на забитые толпой дневные магистрали. Во второй половине дня столица дарила вам развлечения – богатые, разнообразные, увлекательные. Ночью столица дарила вам себя. Ночью вы слышали, как она дышит.

К тому времени, когда Грант свернул на свою улицу, он двигался почти автоматически, не думая ни о чем определенном. Пришел черед «закмуриться». Однако – и в прямом и в переносном смысле – ни малейшей сонливости он не ощущал. Поэтому Грант моментально «открыл глаза», когда неожиданно заметил смутные очертания фигуры на противоположном углу неподалеку от фонаря. Кто это болтается по улице в такой час?

Он торопливо соображал, не стоит ли перейти на ту сторону и пройти мимо, чтобы получше присмотреться. Но менять направление было уже поздно, и он, не останавливаясь, прошел дальше. Уже подойдя к калитке своего палисадника, он обернулся. Фигура находилась на прежнем месте, почти неразличимая в тумане.

Было уже за полночь, и Грант открыл дверь своим ключом, но миссис Филд его дожидалась.

– Я подумала, вы захотите знать, что вас тут спрашивал один джентльмен. Он не стал дожидаться и ничего не просил передать.

– Давно это было?

По словам миссис Филд, более часа назад. Она не разглядела его как следует. Он не поднимался на ступеньки. Только видела, что молодой.

– И не назвал себя?

– Нет, не назвал.

– Спасибо. Ложитесь-ка спать. Если он вернется, я сам ему открою.

Она замешкалась на пороге и озабоченно сказала:

– Только, пожалуйста, будьте осмотрительны. Не очень-то мне хочется оставлять вас одного-одинешенького с неизвестным человеком. Что, если это анархист какой?

– Не тревожьтесь, миссис Филд. Никто вас не взорвет.

– Я не взрыва боюсь. Я боюсь, вдруг вы будете тут истекать кровью, а помочь будет некому. Подумайте, что со мной станет, если утром я войду и застану вас в таком виде?!

– Успокойтесь, пожалуйста! – со смехом проговорил Грант. – Ничего ужасного со мной не случится. Единственный и последний раз кровь мне пустил фриц в Контальмезоне, да и то случайно.

Миссис Филд подумала и... сдалась.

– Вы тут перекусите перед сном, – сказала она, указывая на буфетную полку. – Я купила для вас свежие помидоры и мясо с пикулями – у Томкинса оно превосходное.

Она пожелала ему спокойной ночи, вышла, но, видимо, не успела еще дойти до кухни, когда во входную дверь постучали. Он услышал, как миссис Филд пошла открывать, и в то время как Грант-детектив терялся в догадках насчет посетителя, Грант-наблюдатель решал, что на самом деле руководило миссис Филд, когда она заторопилась открывать: услужливость или любопытство. Минутой позже она отворила дверь и торжественно произнесла: «К вам джентльмен, сэр». И перед нетерпеливым взглядом Гранта предстал юнец лет девятнадцати-двадцати, довольно высокого роста, смуглый, широкоплечий, но тонкий в талии. Он стоял чуть приподнявшись на носках – как боксер перед схваткой.

Войдя в комнату, он заглянул за дверь и потом перевел черные сверкающие глаза на Гранта; затем сделал несколько шагов ему навстречу и замер, вертя в тонких пальцах мягкую фетровую шляпу. Он был в перчатках.

– Инспектор Грант – это вы? – спросил он.

Грант жестом пригласил позднего гостя сесть, и тот, не выпуская из рук шляпы, с грацией, абсолютно чуждой англичанину, опустился на кончик стула и заговорил:

– Сегодня я видел вас у Лорена. Я там работаю в буфетной. Чищу серебро и все такое. Мне сказали, кто вы есть, я подумал и хочу вам про все сказать.

– Разумная мысль, продолжайте, – отозвался Грант. – Вы итальянец?

– Нет, француз. Меня зовут Рауль Легар.

– Так, так. Я вас слушаю.

– Я стоял в очереди, где убили человека. У меня был выходной день. Мы с ним долго стояли рядом. Он нечаянно наступил мне на ногу, и мы потом поговорили немного о спектакле. Я стоял снаружи, а он – ближе к стенке. Потом подошел человек, потеснил меня и стал с ним разговаривать. Тому, кто подошел, что-то было нужно от этого – с кем я рядом стоял.

Он оставался до самого открытия дверей. Он из-за чего-то очень сердился. Они не ссорились, нет, во всяком случае не так, как мы обычно ссоримся, но оба очень сердились. Когда случилось убийство, я убежал. Не хотел, чтобы меня таскали в полицию. Но сегодня я увидел вас в ресторане, и вы показались мне... как это будет по-английски? – не грубым. Вежливым. Вот я и решил вам про все рассказать.

– Почему же вы не явились ко мне в Скотленд-Ярд?

– Я не доверяю Сюрте. Они любят делать много шума из ничего. А в Лондоне я совсем один, без друзей.

– Когда человек подошел и оттеснил вас назад, кто оказался между вами и стенкой?

– Женщина в черном.

Миссис Рэтклиф. Пока он говорил правду.

– Можете описать того человека, который подходил и потом снова ушел?

– Он невысокий. Ниже меня. А шляпа у него была как моя – только коричневее, и пальто такое же. – Он указал на свое приталенное синее пальто. – Только тоже коричневое. Очень смуглый, без усов, и вот тут – у него все такое широкое. – И юноша провел рукой по своему правильному, как у статуи, овалу лица и подбородку.

– Смогли бы вы его узнать, если бы увидели?

– О да, конечно.

– И показать под присягой?

– Что это такое?

– Дать клятвенное заверение, что говоришь правду.

– О да.

– По поводу чего они ссорились?

– Не знаю. Я не слышал. Во-первых, я специально не прислушивался, а во-вторых, хотя и говорю по-английски, но не очень понимаю, когда говорят быстро. Кажется, человек, который подошел, хотел что-то получить от того, которого убили, а тот не соглашался это отдать.

– Как могло случиться, что никто не заметил, когда этот человек отошел от очереди?

– Потому что это произошло, как раз когда полицейский крикнул: «Подайся назад!»

Все это выглядело очень уж складно. Инспектор вынул записную книжку и карандаш, открыл чистую страницу и протянул карандаш юноше:

– Можете нарисовать, в каком порядке кто стоял в очереди? Сделайте кружочки и обозначьте их.

Молодой человек взял записную книжку в левую руку, в правую – карандаш и вполне сносно изобразил схему очереди, не подозревая, что тем самым утер нос той самой полиции, которая «столько шумит не по делу».

Грант пристально следил, как юноша с серьезным лицом прилежно водит карандашом, и лихорадочно соображал. Значит, паренек говорит правду. Он находился в очереди, пока мужчина не повалился, подался назад вместе с остальными и продолжал отходить, пока не оказался вне опасности быть схваченным полицейскими в чужой для него стране. Он действительно видел убийцу и сможет опознать его. Дело начало сдвигаться с мертвой точки.

Грант взял из рук Рауля записную книжку и, подняв глаза от схемы очереди, перехватил взгляд юноши, с тайным вожелением устремленный на буфетную полку с едой. До него дошло, что Легар, вероятно, направился к нему прямо с работы.

– Я очень вам благодарен, – произнес Грант. – Давайте-ка поужинаем, а?

Молодой человек сперва робко отнекивался, но быстро позволил себя уговорить, и вдвоем они основательно поели, отдав должное мясу с пикулями. Легар разговорился. Он рассказывал о своих родных в Дижоне, о сестре, которая выслала ему нужные документы, об отце, который не одобрял пива, потому что оно из колосков. А кто же ест колоски? Виноград – иное дело. Рассказывал о своих впечатлениях от Лондона и от англичан. Когда наконец Грант

распахнул входную дверь в тихую черноту ночи, Рауль на пороге обернулся и извиняющимся тоном наивно произнес:

– Я очень сожалею, что не рассказал все раньше, но вы же понимаете, почему так получилось. Я убежал, и поэтому мне стало еще труднее решиться. И потом, я не думал, что полиция здесь такая порядочная.

Грант похлопал его по плечу на прощание, закрыл дверь и сразу пошел к телефону.

– Это инспектор Грант, – произнес он, когда в Ярде сняли трубку. – Прошу разослать во все полицейские округа следующий текст: «В связи с делом о лондонском убийстве в очереди разыскивается мужчина: левша, лет около тридцати, немного ниже среднего роста, смуглый, черноволосый, широкоскулый, без усов и бороды. Последний раз, когда его видели, был одет в приталенное пальто коричневого цвета и такого же цвета фетровую шляпу. Имеет свежий шрам на большом или указательном пальце».

После этого он отправился спать.

Глава пятая

И снова Денни

Поезд отошел от Марилебонского вокзала и выкатился в яркое солнечное утро. Грант глядел в окно и чувствовал себя на подъеме, какого не испытывал с того самого дня, когда провел первую беседу с полицейскими на Гоу-стрит. Убийца перестал быть мифом. У них имелось его описание, и поимка его – теперь просто дело времени. Возможно, к вечеру уже удастся выяснить личность убитого. Грант с удовольствием вытянул ноги, наблюдая, как по ним заскользили, вздрагивая, солнечные лучи, – поезд набирал ход.

В десять утра, при ярком солнышке Англия прелестна. Даже убогие пригородные домишки утратили свой агрессивно-воинственный вид, порожденный комплексом неполноценности; они самозабвенно и кокетливо светились в солнечных лучах. Их узкие, негостеприимные двери, покрашенные яркой, дешевой краской с неуклюжим подобием колонн, уже не выглядели безобразными. Нефритовые, лиловые, голубоватые, ониксовые, они, казалось, вели каждая в свой отдельный, персональный рай. Прилегающие к ним садики с безвкусно подобранными выскочками-тюльпанами и сорняками выглядели не хуже висячих садов Семирамиды. Здесь и там танцевали и раздувались на ветерке веселые детские одежки, и за их пестрыми гирляндами чудились звонкие детские голоса. А еще дальше, когда остались позади последние приметы города, широко улыбались под солнцем просторы лугов – совсем как на лубочных картинках со сценами охоты. Да, в это ясное утро Англия была прекрасна, и Грант наслаждался ею. Даже ноттингемские каналы своей голубизной напоминали Венецию, а заключающие их осклизлые стенки розовели, как знаменитая Петра.

Грант вышел с вокзала, и его сразу же оглушило звяканье и бречанье трамваев. Если бы его спросили, с чем ассоциируется у него Мидленд – Средняя Англия, то он без колебаний ответил бы: с трамваями. В Лондоне трамваи выглядели чужаками, жалкими провинциалами, вынужденными вести унылое, безрадостное существование; провинциалами, которые никак не могли собрать достаточно средств, чтобы выбраться из этого чужого им города. Стоило Гранту услышать их не похожее ни на что отдаленное пение – и он сразу переносился в мертвящую, душную атмосферу маленького городка в Средней Англии, где родился. Жители Средней Англии не прячут свои трамваи в глухих улочках, а выставляют их напоказ на главных проспектах – отчасти из упрямого хвастовства, отчасти из-за ошибочного представления об их практичности и удобстве. Их длинная желтая цепочка вытянулась вдоль ноттингемского рынка, перегораживая собой широкую, вполне европейских масштабов площадь и превращая переход с тротуара к рыночным прилавкам в увлекательнейшую игру в прятки. Однако аборигенам, которых природа в полной мере наделила своим самым чудесным даром – умением приспосабливаться к обстоятельствам, эти скачки с препятствиями, казалось, даже нравились, тем более что большой опасности не представляли. Во всяком случае, пока Грант переходил улицу, жертв не было.

В филиале «Братьев Феар» Грант предъявил галстук убитого и объяснил, что хотел бы выяснить, не вспомнит ли кто, кому и когда его продали. Человек за прилавком сам не помнил, однако подозвал более молодого коллегу, который в тот момент водил белым и гибким, как гусеница, пальцем вверх и вниз по коробкам, чтобы отыскать предмет, затребованный покупателем. Что-то подсказывало Гранту, что сей юнец по вопросам, касающимся его ремесла, помнит больше, чем любой самый старый продавец фирмы. И оказался прав. Одного взгляда на галстук ему было достаточно, чтобы вспомнить, что этот галстук – или точь-в-точь такой же – он снял для джентльмена с витрины месяц назад. Господин увидел его в окне магазина и пожелал купить, потому что расцветка подходила к его костюму. Нет, ему кажется, покупатель был не из местных. Отчего? Оттого, во-первых, что он не говорил как ноттингемец, а во-

вторых, был одет не так, как здесь одеваются. Мог бы он описать этого джентльмена? Он мог, и сделал это подробно и точно.

– Если хотите, я вам даже число могу назвать, – заключил этот феноменальный молодой человек. – Я запомнил из-за того, что... – И тут Грант увидел, не без удовольствия, как этот все знающий, уверенный в себе служащий вдруг весь порозовел и сразу превратился в застенчивого подростка. – Из-за одного события, которое произошло в этот день. Это было второго февраля.

Грант записал дату и спросил о впечатлении, которое у него осталось от покупателя галстука. Напоминал ли он коммивояжера, например?

Нет, на коммивояжера он был не похож. Он не говорил о бизнесе, и его нисколько не интересовали перспективы развития Ноттингема. Грант осведомился, не происходило ли в это время в городе какое-нибудь событие, которое могло бы привлечь сюда людей из других мест, на что молодой человек сказал, что да, конечно, происходил музыкальный фестиваль Мидленда. Даже из Лондона приезжали. Он знает, потому что сам принимал участие в этом фестивале. Он поет в хоре и всегда в курсе всех фестивалей. По виду незнакомец, скорее всего, был из тех, кого интересуют именно фестивали, а не бизнес. Он еще тогда сразу подумал, что, вероятно, этот господин приехал к ним на фестиваль.

Вполне возможно, так оно и было, подумал Грант. Он вспомнил тонкие, нервные руки убитого. К тому же тот был завсегдатаем «Уоффингтона», который если и не из самых знаменитых, но, бесспорно, театр с добротным музыкальным репертуаром. Это не совпадало с версией бандитской расправы, и все-таки нельзя из-за этого отбрасывать новую информацию. Фактически версию с бандой нечем было обосновать. Рабочая гипотеза, и ничего больше. Он поблагодарил юношу и осведомился, не знает ли тот, кому в Ноттингеме может быть известно об артистах, которые приезжали на фестиваль. Молодой человек назвал ему имя Юдалла – юриста по профессии. Юдалл являлся даже не секретарем, а кем-то вроде председателя неофициального фестивального комитета; фестивали были его страстью. Он просидел на нем с утра до вечера все три дня и наверняка знал наперечет всех, кто приезжал из Лондона.

Грант записал адрес Юдалла, понимая, что наблюдательный юнец заносит в реестр своей памяти и его самого; пройдут годы, и доведись кому-нибудь обратиться к нему с просьбой описать человека, который брал у него адрес Юдалла, он сделает это самым аккуратнейшим образом. Жаль, что такой талант пропадает в магазине мужской галантереи!

– Вы ведете розыск человека, который покупал галстук? – спросил на прощание юный талант. Слову «розыск» он придал вполне определенный «полицейский» смысл.

– Не совсем. Но я хочу проследить его действия, – уклончиво ответил Грант и отправился на розыски юриста.

Унылые апартаменты фирмы «Юдалл, Листер и Юдалл» размещались возле замка, на маленькой боковой улочке, которая никогда не видела трамваев и в которой одинокие шаги прохожего будили такое громкое эхо, что невольно хотелось оглянуться.

Триста лет было этой фирме; приемная здесь была отделана дубом, что глушило самый отважный, самый малый лучик света, если тому удавалось пробиться сквозь толстое зеленоватое оконное стекло. Лучик погибал на подоконнике, как гибнет в сиянии славы на редуте после отбитой атаки последний солдат. Но господин Юдалл из фирмы «Юдалл, Листер и Юдалл» посчитал бы любую перемену здешней обстановки просто святотатством. Изменить обстановку?! Это что же – переехать в здание, напоминающее рефрижератор? Здание все в прорезях окон, так что у него практически не остается стен! Сплошные, непередаваемого безобразия стеклянные панели, соединенные пилястрами! Вот что такое современная архитектура! Но сам мистер Юдалл, словно стараясь компенсировать сумрачную заброшенность помещения, сиял и лучился и приветствовал каждого входящего с тем полным отсутствием подозрительности, которое демонстрируют либо самые близкие друзья, либо ловкие мошенники, но никогда –

юристы. В юности ему, как единственному представителю Юдаллов третьего поколения, была выделена в одной из контор фирмы «Юдалл» каморка размером с платяной шкаф, и, поскольку его любовь к дубовым панелям, балкам и зеленоватым стеклам окон могла сравниться лишь с его любовью к симфониям и сонатам, он спокойно просидел там большую часть своей жизни. Теперь же он представлял всю фирму «Юдалл, Листер и Юдалл», а за тем, чтобы его шеф не совершил какой-нибудь непоправимой для фирмы глупости, следил компетентный старый клерк.

Сказать, что мистер Юдалл встретил инспектора радушно, значит не сказать ничего. Грант даже подумал, что, может, они встречались раньше и он просто забыл об этом. На его лице Грант не заметил и следа того нетерпеливого любопытства, с которым он сталкивался постоянно, когда вслед за визитной карточкой появлялся в чьем-нибудь доме. Для него Грант был просто еще одним милейшим человеком; не успел Грант изложить своего дела, как его уже пригласили на ланч. За едой говорить гораздо приятнее, объяснил Юдалл. К тому же уже почти два часа дня, и Грант наверняка умирает с голоду. Грант не стал отказываться от столь радужного приглашения. Требуемой информации он еще не получил, и, похоже, это была единственная возможность ее добиться. Более того, полицейский никогда не упустит случая завязать новое знакомство. Девиз Скотленд-Ярда (если уж таковым обзаводиться): «Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь».

Во время ланча инспектор выяснил, что Юдалл в жизни не встречался с человеком, которого он разыскивает. Всех участников фестиваля, а также любителей подобных концертов он знал в лицо, а с некоторыми был знаком лично. Однако никто из них по описанию не был похож на убитого.

– Если вы предполагаете, что он музыкант, то надо порасспросить лионских музыкантов или тех, кто работает при киностудии. И у тех, и у других в труппе много лондонцев.

Грант не стал объяснять, что заключение, будто разыскиваемый – музыкант, основано исключительно на его предполагаемом интересе к фестивалю. Куда легче и приятнее было просто слушать Юдалла. Однако во второй половине дня, после того как он распрощался со своим любезным спутником, Грант все же проверил городские оркестры, но, как и предвидел, без всякого успеха. Потом он позвонил в Ярд выяснить, как продвигается у Уильямса его охота за номерами купюр, и поговорил с самим Уильямсом, который только что вернулся. Купюры как раз были на проверке в банке. Пока ничего определенного, но, кажется, они вышли на след.

«Что ж, – подумал Грант, вешая трубку, – по крайней мере одна нитка из клубка начала разворачиваться – медленно, но верно».

История английской банкноты – всегда самое точное, самое неопровержимое свидетельство. Если по банкнотам выяснится личность друга, то, невзирая на неудачную попытку Гранта в Ноттингеме узнать, кто же был сам убитый, имя его приятеля так или иначе позволит получить эти сведения. А от убитого до Даго – всего один шаг. И все-таки настроение у Гранта было неважное. С утра им владело отчетливое предчувствие, что до ночи какая-то неожиданная информация выведет его на верный след. Он почти с отвращением вспоминал зря потраченный день, и ни удовольствие от ланча с мистером Юдаллом, ни розовый отблеск благодушного отношения этого милого джентльмена ко всему роду людскому не принесли ему утешения. На вокзале он обнаружил, что до ближайшего поезда еще полчаса, и направил стопы в ресторан при гостинице в смутной надежде подобрать там хоть крупинцы каких-нибудь сведений. В таких местах можно услышать больше сплетен, чем где бы то ни было. С кислым видом он наблюдал за официантами. Один был высокомерен и походил на раскормленного борова, другой рассеян и напоминал борзую. Инстинкт подсказывал Гранту, что от них толку не будет. Зато принеся ему кофе официантка – миловидная женщина средних лет – пролила чуть-чуть бальзама на его душу. Уже через несколько минут они разговорились, правда их разговор постоянно прерывался – ей приходилось отлучаться выполнять заказы, – но потом она неизменно оказы-

валась рядом и они могли продолжить беседу. Грант понимал, что описание человека, вполне обычного – не слепого и не горбуна, – вряд ли что-нибудь скажет женщине, которая, возможно, каждый день обслуживает до полудюжины мужчин с такой внешностью; поэтому он решил просто ограничиться наводящими вопросами.

– Я смотрю, у вас тут сейчас тихо, – начал Грант.

Она согласилась. То затишье, то яблоку негде упасть – так уж у них повелось.

Зависит ли это от количества постояльцев?

Не всегда. Но вообще-то, зависит. В гостинице – как у них: то густо, то пусто.

А бывает, когда в гостинице нет мест?

Да. Вот недавно все было забито – кооператоры съехались. Все было занято, все двести номеров. Она не помнит, чтобы когда-нибудь еще творилось такое.

– Когда это было? – спросил Грант.

– Да в начале февраля. У них съезды два раза в году.

В начале февраля? Из каких мест эти кооператоры съезжают?

Оказалось, со всей Средней Англии.

А из Лондона?

Как правило, не из Лондона. Но, надо думать, оттуда тоже кто-нибудь приезжает.

Грант заторопился к поезду, по пути раздумывая над этой, еще одной возможностью, но не нашел ее многообещающей. Он сам не знал почему. Просто не того типа человеком казался ему покойный. Если он и был продавцом, то скорее в той сфере торговли, которая требовала от своих служащих известного шика.

Обратное путешествие совсем не напоминало утреннее, когда у него на сердце было легко и думалось хорошо и неспешно. Солнце скрылось, серый туман заволок пейзаж. В бледном вечернем свете он сразу стал казаться плоским, унылым и однообразным. Кое-где среди тополей неприветливо и тускло проблескивали полосы воды. Грант занялся газетами, а когда читать стало нечего, просто глядел, как серый, расплывчатый вечер летит мимо, и лениво думал о том, какова же все-таки была профессия у погибшего. Непрекращающийся, временами довольно громкий разговор трех других обитателей купе о каких-то формовках отвлекал его и раздражал до чрезвычайности. Он немного повеселел, только когда заметил сигнальные огни. Рубиновые и изумрудные, на фоне угасающего неба они словно висели в воздухе – каждый сам по себе. Это чудо заворожило Гранта. Казалось невероятным, что вся эта фантастика держится на невидимых, но прочных опорах и стальных перекладинах, а своим существованием обязана динамо-машине. Но он был рад, когда долгий гудок и тряска на стыках путей возвестили о конце путешествия и над ним засверкали мощные лондонские огни.

Когда он входил в Ярд, у него возникло странное ощущение, будто то, за чем он гонялся весь день, ждет его здесь. Может, все-таки утреннее предчувствие его не обмануло? Может, сейчас наконец-то в его руках окажется тот единственный, тот самый необходимый кусочек информации, благодаря которому он узнает всю историю мертвеца? Грант с трудом сдерживал нетерпение. Никогда еще лифты ему не казались такими медленными, а коридоры – такими длинными.

Но там его ничего не ждало, абсолютно ничего, кроме письменного рапорта Уильямса. Уходя пить чай, сержант на случай его возвращения оставил письменный отчет. В нем было то, что Грант уже слышал по телефону, – только в более подробном варианте.

Однако в тот самый момент, когда Грант входил в Ярд, престранная вещь приключилась... с Денни Миллером. Он сидел боком в кресле у себя в Пимлико, перекинув стройные свои ноги в роскошных туфлях через подлокотник, с сигаретой в длиннющем мундштуке, цепко зажатом в зубах. Перед ним посреди комнаты стояла его «птичка». Она была занята примеркой вечерних платьев, которые вытряхнула из отделений платяного шкафа, как горо-

шины из стручка. Она медленно повернулась, и свет засверкал на легкой, вышитой бисером ткани платья, выгодно подчеркивавшего длинные линии ее красивого тела.

– Вот это, пожалуй, неплохо, правда? – произнесла она, ловя в зеркале взгляд Денни. Но вдруг заметила, как глаза Денни, до этого устремленные на ее спину, расширились и приняли почти безумное выражение. – Что с тобой? – спросила она, резко обернувшись.

Но Денни явно ее не слышал, и выражение его глаз оставалось все таким же. Внезапно он выхватил изо рта мундштук, кинул в камин сигарету и вскочил со стула, торопливо шаря вокруг.

– Моя шляпа! – воскликнул он. – Где, черт возьми, моя шляпа?

– На стуле позади тебя, – изумленно отозвалась «птичка». – Какая муха тебя укусила?

Схватив шляпу, Денни выскочил из комнаты, как будто за ним гнались все фурии ада. Она слышала, как он прогрохотал по лестнице, потом хлопнула входная дверь. Она все еще стояла в полном недоумении и смотрела ему вслед, когда услышала, что он возвращается. Легко, как кошка, он взбежал по лестнице, перескакивая через три ступеньки, и через мгновение был уже в комнате.

– Дай мне быстренько двухпенсовик. У меня двухпенсовика нет.

Машинально она протянула руку к дорогой изящной сумочке – одному из его подарков – и вынула монету.

– Я и не знала, что ты настолько обнищал! – поддела его «птичка», рассчитывая таким образом вызвать его на объяснение.

– Сгинь! – отмахнулся он и снова исчез.

Денни прибыл к телефонной будке несколько запыхавшийся, но безмерно довольный собой и, не подумав опуститься до такой прозы, как телефонный справочник, затребовал, чтобы его соединили немедленно со Скотленд-Ярдом. Во время неизбежного ожидания на маленьком квадратике кабинки он отбил чечетку, выражая этим одновременно свое нетерпение и свой триумф. Наконец он услышал на другом конце провода голос Гранта.

– Послушайте, инспектор, это Миллер говорит. Я только что вспомнил, где видел того парня, о котором вы спрашивали. Дошло? Так вот, я ехал с ним в одном поезде на скачки в Лестер в конце января. Уверен ли я? Да. Так, как будто это было вчера. Мы говорили о скачках, и он, похоже, в этом хорошо разбирается. Но я его никогда там не встречал – ни до, ни после. А?.. Нет, ничего букмекерского при нем не видел... Не стоит благодарности. Я сам до смерти рад, что сумел помочь. Я же вам говорил, что меня память никогда еще не подводила!

Денни покинул будку и отправился – на сей раз уже менее поспешно – к себе, чтобы примириться с оставленной им и разобиженной «птичкой», а Грант повесил трубку и глубоко, с облегчением вздохнул. Поезд на скачки! Это уже было очень похоже на истину. Каким же дураком он был! Каким круглым дураком! Как же он до этого сам не додумался?! Не вспомнить, что если для двух третей британцев Ноттингем ассоциировался с кружевными фабриками, то по крайней мере для одной трети – со скачками! Разумеется, скачки объясняли все – манеру покойного одеваться, его поездку в Ноттингем, его склонность к музыкальной комедии и даже, возможно, его связь с бандой.

Он послал за справочником по скачкам. Да, действительно, второго февраля были бега в ноттингемском Колвик-парке. А до этого в Лестере – в конце января. Это подтверждало рассказ Денни. Это он преподнес инспектору ключик к делу.

И надо же, чтобы из всех дней недели информация попала к нему в субботу, единственный день, когда в букмекерских конторах ни одной живой души не застанешь. Про воскресенье и говорить нечего – в воскресенье их и дома не найдешь. Одна мысль просидеть целый день безвылазно дома внушала им ужас: в воскресенье они раскатывали в машинах по всей Англии вдоль и поперек, как просыпанная ртуть. Итак, банковские и букмекерские розыски придется отложить до окончания уик-энда.

Грант сообщил, где его искать, и отправился к Лорену набраться новых сил.

В понедельник предстоит куча тяжелой работы: придется обходить конторы с галстуком и револьвером – револьвером, принадлежность которого пока не определена. Правда, возможно, к тому времени обнаружится владелец банкнот, что избавит их от изнурительной работы методом исключения. А пока лучше пообедать пораньше и еще раз все обдумать.

Глава шестая

Даго

Грант занял угловой столик. Зеленый с золотом зал был заполнен лишь наполовину, и Марсель задержался возле него перекинуться словечком. У инспектора дела, конечно, идут превосходно? Еще бы, инспектор – просто гений! Восстановить внешность человека по одному лишь кинжалу! (Газеты, за исключением утренних выпусков, уже распространили описание разыскиваемого по всей стране.) Это поразительно! Поразительно! Теперь, случись, например, Марселю подать к салатам вилку для рыбы – и месье тут же докажет, как дважды два – четыре, что у него, Марселя, мозоль на мизинце левой ноги! Грант запротестовал, что отнюдь не претендует на столь тонкие умозаключения, доступные разве что Шерлоку Холмсу.

– Объяснение подобной промашки я бы дал самое банальное, – сказал он с улыбкой. – Это означало бы, что провинившийся влюблен.

– Только не это! – рассмеялся Марсель. – Даже инспектору Гранту это доказать не удастся!

– Почему? Вы что, женоненавистник?

Нет, он, Марсель, любит женщин, но, к сведению господина инспектора, собственная супруга его вполне устраивает.

– Я тут недавно познакомился с мальчиком из вашей буфетной.

А, это Рауль. Хороший мальчик, очень хороший. И красивый, верно ведь? Какой профиль, какие глаза! Его приглашали сниматься в кино, но Рауль, разумеется, отказался. Нет, Рауль собирается стать метрдотелем. И станет им, – он, Марсель, не сомневается.

Новый посетитель сел за столик напротив, и выражение добродушия исчезло с лица Марселя, как снежинки с мокрой мостовой. Он отошел к столику вновь прибывшего, где, сочетая вежливую почтительность с олимпийской невозмутимостью – манера, которую он усвоил со всеми, за исключением своих пяти фаворитов, – взял заказ. Грант не торопясь пообедал, потом так же без спешки выпил кофе, но когда вышел, было еще совсем рано. Стренд сиял огнями и был многолюден: отлив припозднившихся на работе и спешивших домой совпал с приливом; наиболее резвые любители развлечений уже вышли на улицы. Это и образовало толпу, которая запрудила тротуары и выплеснулась на проезжую часть. Грант медленно двинулся по тротуару в направлении Чаринг-Кросс, то ныряя в темноту, то попадая в полосы огней витрин – то розовых, то золотистых, то ослепительно сверкающих, как бриллианты. Вот обувной магазин, потом – готовая одежда, потом ювелирный. Но тут как раз перед «щелью», уходящей вбок старой улочкой, толпа поредела и перестала казаться одним большим телом: теперь в ней можно было различить каждого по отдельности. Мужчина, шедший на несколько шагов впереди Гранта, обернулся, словно для того, чтобы посмотреть на номер подходившего автобуса. Его взгляд упал на Гранта, и в ослепительном свете одной из витрин тот заметил, что лицо мужчины исказила гримаса ужаса; не колеблясь ни секунды, не глядя ни вправо, ни влево, он ринулся через улицу прямо под колеса автобуса. Гранту пришлось ждать, пока автобус проедет, но едва он прогрохотал мимо, как Грант бросился в поток машин вслед за мужчиной. В этот безумный миг, когда он, не обращая внимания на транспорт, следил лишь за тем, как бы не упустить из виду убежавшего, у него промелькнуло в голове: «Как ужасно погибнуть под машиной на Стренде, после того как четыре года удавалось избежать немецкой пули!» Он услышал окрик у самого уха, но успел остановиться – на волосок от него пронеслось такси с шофером, поносившим его на чем свет стоит; ловко уклонился от желтой гоночной машины, увидел затем у левого локтя крутящуюся черную штуку, в которой узнал переднее колесо автобуса; отпрыгнул, чуть не попал под другое такси справа, обогнул сзади автобус и успел прыгнуть на спасительный тротуар в ярде от идущей следом машины. Быстро оглянулся по сторо-

нам. Человек шел спокойно в сторону Бедфорд-стрит: он, видимо, такой быстрой реакции от инспектора не ожидал.

«Мой ангел-хранитель наверняка заслужил свечу за то, что помог мне невредимо перебраться через улицу», – подумал Грант и зашагал нормальным шагом, стараясь держаться от преследуемого на почтительном расстоянии.

«Если он оглянется, не доходя до Бедфорд-стрит, – решил Грант, – значит я не ошибся; значит, его испугал именно я, а не что-нибудь другое». Инспектору не было необходимости видеть лицо мужчины еще раз, чтобы подтвердить свое первое впечатление: у него высокие скулы, худощавое смуглое лицо, выдающийся вперед подбородок. И так же твердо, будто он уже видел это собственными глазами, Грант знал: у него свежий шрам на левом указательном или большом пальце.

Секундой позже человек обернулся, но не так, как это обычно делают, безотчетно поворачивая голову назад, а мгновенно, что означало: проверяет, нет ли за ним хвоста. В следующий миг он исчез за углом Бедфорд-стрит. И тут Грант рванулся вперед. Он ясно представил себе, как худой человек мчится по темной пустынной улице, где некому его задержать. Грант добежал до угла, завернул на улицу, но там никого не было. Ни один спринтер не сумел бы за это время пробежать по прямой на такой скорости; Грант, подозревая ловушку или нападение, быстро зашагал вперед по правой стороне, вглядываясь в каждый проем. Но время шло, никто не появлялся, и он начал беспокоиться. Грант чувствовал нутром, что его провели. Приостановившись, он оглянулся – как раз вовремя, чтобы увидеть, как в самом начале улицы из подъезда выскользнул человек и снова нырнул в толпу на Стренде. Секунд через тридцать Грант выскочил туда же, но человек исчез. Приходили и уходили автобусы, летели мимо такси, все магазины были еще открыты. Словом, способов скрыться было предостаточно.

Грант выругался про себя, но тут же подумал: ладно, он ловко меня одурачил, но сейчас клянет себя еще почище, чем я, за то, что свалил дурака – показал, что узнал меня. На этом он споткнулся. Тут ему явно не повезло. Впервые Грант был доволен, что пресса, горя желанием просветить публику, дала его фотографии во всех газетах. Некоторое время он еще походил по улице, без особой надежды заглядывая по пути в магазины. Затем на всякий случай постоял в темном подъезде: что, если мужчина не убежал, а затаился где-нибудь поблизости и теперь, думая, что путь свободен, появится снова? Единственное, чего он добился, так это того, что полисмен, уже некоторое время наблюдавший за ним с противоположной стороны улицы, подошел и осведомился, чего он, собственно, там дожидается. Грант вышел из своего убежища на свет и объяснил смутившемуся полицейскому обстоятельства дела. Сомнений у него не осталось: человек сбежал, и он решил позвонить в Ярд. Первой его мыслью было вызвать отряд полиции, но, бросив взгляд на транспортный поток, он сообразил, что при самой большой скорости к тому времени, когда машины подоспеют сюда от набережной, как бы быстро они ни ехали, преследуемый уже будет далеко отсюда – на пути к Голдерс-Грин, Камберуэллу или Элстри, – и отказался от своего намерения. Это был явно не тот случай, когда следовало поднимать на ноги полицию.

После телефонного разговора он медленно двинулся к Трафальгарской площади и немного взбодрился. В течение последнего часа он был противен самому себе и ругал себя последними словами. Быть в каких-то шести шагах от этого Даго – и позволить ему ускользнуть! Теперь Гранту открылась и другая, обнадеживающая сторона происшедшего. Он дал маху, спору нет, но тем самым продвинулся дальше, гораздо дальше в своем расследовании, чем до сих пор. Теперь он точно знал, что Даго в Лондоне. Это уже был большой плюс. Потому что вплоть до сегодняшнего утра, когда газеты дали его подробное описание, ничто не мешало убийце покинуть Лондон. Если бы не эта случайная встреча, если бы этот тип не запаниковал ни с того ни с сего, то им пришлось бы просматривать рапорты из полицейских участков всей страны – не исключено, что и всей Европы, – а Грант по собственному горькому опыту

знал, какие это будут рапорты. Итак, теперь известно, что этот субъект в Лондоне, и они могут сконцентрировать усилия. Он может попытаться двинуть из столицы пешком – и никак иначе: Грант уже позаботился о том, чтобы убийца не смог взять и нанять машину в одном из гаражей. Конечно, при большом желании выбраться из города можно, но на это у него теперь уйдет значительно больше времени. Вообще непонятно, отчего он не убрался из Лондона, пока его никто не разыскивал. Грант мог это объяснить только широко известным упрямым желанием лондонца любой ценой цепляться за город, который ему известен с детских лет; к тому же, насколько Грант знал даго, они, как крысы, предпочитают люки канализации открытым пространствам. Обе эти разновидности склонны в подобных обстоятельствах скорее скрываться, чем сбегать. Кроме того, разыскиваемый не мог знать наверняка, что у полиции нет описания его внешности, еще до публикации во всех газетах. Нужно быть безумным храбрецом или полным идиотом, чтобы в подобных условиях решиться пройти через билетный контроль на поезд или судно. Итак, убийца засел в городе. С этой минуты он будет находиться под постоянной угрозой нарваться на городской полицейский патруль, и шансы ускользнуть у него были совсем невелики. Более того: Грант видел его воочию – еще одно огромное преимущество. Теперь Грант его опознает всюду – даже на большом расстоянии.

Итак, Даго в Лондоне, приятель покойного, предположительно, тоже в Лондоне; внешность Даго известна, личность приятеля вскоре установят по банкнотам – все не так уж плохо. «Дела, как изволил заметить Марсель, успешно продвигаются вперед». Проходя по переулку Святого Мартина, Грант вдруг вспомнил, что сегодня в «Уоффингтоне» в последний раз идет «А вы и не знали?». Пожалуй, он заглянет в театр, а оттуда вернется обратно в Ярд. Голова у Гранта работала лучше всего, когда его никто не подталкивал, а тишина его служебного кабинета действовала на него именно так, словно требовала: а ну, давай скорей! Грант вообще не любил думать в местах, для этого предназначенных. Важное открытие, озарение скорее могло прийти к нему посреди улицы, в толпе народа, где блуждает Даго, а не в величественном уединении кабинета.

Спектакль уже минут двадцать как начался, когда Грант после короткого разговора с администратором нашел кусочек пространства – не более шести квадратных дюймов – за креслами на балконе. Отсюда, сверху, из темноты, его глазам предстало великолепное зрелище. Театр, и в обычное время не очень вместительный, был забит снизу доверху; его розоватая мгла казалась наэлектризованной, как бывает, когда каждый зритель – завзятый театрал. Сегодня, в день последнего представления, здесь не было иных: все пришли сказать последнее «прости» своему идолу. Обожание, сопереживание, сожаление, что это – в последний раз, – все чувствовалось здесь сегодня, и эта публика, захлестнутая сиюминутной непосредственной эмоцией, ничем не напоминала обычно сдержанного британского зрителя. То и дело, когда Голан отпускал одну из своих знаменитых шуток, кто-нибудь невольно выкрикивал: «Давай еще, Голли! Не сокращай, выдай все до конца!» И Голли выдавал. Прелестная Рей Маркейбл излучала обаяние, порхая по полупустой сцене с непередаваемой легкостью листка, гонимого ветром. Как обычно, когда Рей танцевала, она в своих движениях немного отставала от музыки, и это создавало впечатление, что мелодия не сопровождает танец, а рождает его. Казалось, сама музыка то поднимает, то клонит, то кружит, а потом ласково выпускает Рей из своих объятий. Снова и снова под восторженные крики зала музыка вздымала ее ввысь, смеющуюся и сверкающую, как хрустальный шарик, подпрыгивающий на струе фонтана, и опускала наземь, и Рей замирала, и наступала тишина, от которой захватывало дух, – тишина, взрывающаяся затем оглушительными овациями. Ее никак не хотели отпускать, и, когда наконец кто-то буквально силой удержал ее за кулисами, а спектакль попытались продолжать, зал выказал явное недовольство. Сегодня никто не следил за сюжетом. Да, пожалуй, и не только сегодня. Большая часть самых восторженных зрителей вообще понятия не имела, что это такое за штука, и вряд ли кто-нибудь

из них вообще мог пересказать содержание спектакля. Сегодня же в особенности тратить внимание на подобную чепуху, как действие, казалось глупостью.

Зрители, правда, немного утешились, когда на сцене появился самый знаменитый в стране ансамбль девушек. Четырнадцать девиц из «Уоффингтона» были известны на двух континентах, и чудо синхронности движений, которое они демонстрировали, не могло не вызывать такое же чувство глубочайшего удовлетворения, никогда не переходящего в пресыщение, как смена дворцового караула.

Ни одна голова, ни один носок не высывался из общей линии; ни один прыжок ни на дюйм не был ниже другого. К тому времени, когда последняя из четырнадцати задорно трянула коротенькой оранжево-черной юбочкой и исчезла в кулисах, публика успела почти позабыть о Рей. Почти, но не совсем. Рей и Голан царили сегодня в театре, это был их вечер – их и зрителя. Наступил момент, когда недовольство публики отсутствием на сцене Рей и Голана стало уже невозможно игнорировать. Возбуждение достигло той стадии, которая грозила перерасти в истерию. Грант с сочувствием заметил натянутую улыбку, которой ведущий солист встретил жидкие аплодисменты после своей чувствительной арии. Эту арию распевали сладкоголосые тенора по всей Британии, ее насвистывали все мальчишки-разносчики, ее наигрывали в приглушенном свете ресторанов все джазовые оркестры. Он явно рассчитывал, что его будут вызывать не менее трех раз. Но публика ограничилась тем, что пропела вместе с ним последний куплет. Что-то тут было не так. Они просто не замечали его. Стараясь не подавать вида, он добровольно отошел в тень, уступив первое место Рей Маркейбл, и стал подыгрывать Рей – он пел с ней, танцевал с ней, с ней разыгрывал свои сценки. Грант поймал себя на мысли, является ли его почти полный провал случайностью, связанной с блеском таланта Рей, или же она устроила это намеренно, чтобы оставаться в центре внимания? У Гранта не было особых иллюзий относительно театра и профессиональной порядочности прелестных примадонн. Звезды театра легко проливали слезы и могли кинуть значительную сумму денег, растроганные историей чужого несчастья, но при столкновении с соперником по сцене их доброта увядала на глазах. У Рей Маркейбл была репутация женщины великодушной и справедливой. Но это могла быть заслуга ее агента – очень скользкого субъекта даже для людей этой скользкой профессии. Грант сам встречал беглые заметки о ней, в которых он не усматривал ловкого хода агента, пока его взгляд не переходил к следующей статье, обычно касающейся важной темы, привлекавшей всеобщее внимание. Рекламный агент Рей обладал редким искусством – как бы невзначай упоминать ее имя в заметках, казалось бы не имеющих к ней ни малейшего отношения.

А сам факт, что за два года в этой пьесе сменилось два ведущих солиста, в то время как остальной состав оставался прежним? Это тоже наводило на размышления. Может, ее дружелюбие, ее простота в обращении, ее, давайте скажем прямо, благородство – все это только камуфляж? Может, хрупкая, обаятельная женщина, кумир Лондона, на самом деле и тверда как сталь, и опасна как бритва?

Он вспомнил ее в примерной за чаем: скромную, умную, рассудительную. Никакой капризности, никакой раздражительности. Очаровательная женщина, у которой в голове отнюдь не опилки. Нет, непохоже, чтобы это было сплошное притворство. В преступном мире ему попадались женщины с обманчиво беспомощной внешностью, но, как бы они ни старались, никакой грим не мог скрыть их истинную сущность. В обаянии Рей Маркейбл не было ничего беспомощного или наигранного. Грант готов был поклясться, что оно было ее природным свойством. Сейчас он критически наблюдал за ней, выискивая то, что могло бы опровергнуть его мнение – а она ему очень нравилась, – тем более что до этого он бессознательно гнал от себя подозрения. И в результате, к великому своему сожалению, постепенно пришел к выводу, что его подозрения имеют под собой реальную почву. Она действительно вполне намеренно оттесняла исполнителя главной роли на второй план. Все свидетельства тому были налицо,

но Грант еще ни разу не видел, чтобы это делалось так тонко, так незаметно. Не то чтобы она пыталась каким-нибудь маневром «украсть» адресованные ему аплодисменты, начать свой номер раньше, чем они окончились, или отвлечь внимание публики на себя, – нет, такой грубой бестактности она не допускала, ни боже мой! Это сразу стало бы заметно и потому, с ее точки зрения, было недопустимо. Ему подумалось, что она была не только слишком искусна для того, чтобы пользоваться такими приемами, но просто слишком талантлива. Ей было достаточно, не считаясь с другими актерами, дать полную волю своему блистательному «я» – и все конкуренты тут же меркли, как звезды при свете солнца. Только с Голаном ей оказалось справиться не под силу; он был таким же, если не более ярким светилом, и поэтому ей приходилось его терпеть. Что же касается исполнителя ведущей роли – симпатичного актера с привлекательной внешностью и прекрасным голосом, – она его затмила без труда. Говорили, что найти на главную роль достойного ее актера просто невозможно. Теперь Грант догадался почему. И знал, что его догадка верна.

Ему даже сделалось не по себе – так ясно он в один миг разгадал замысел Рей Маркейбл, – и это несмотря на атмосферу всеобщего обожания в зале. Лишь Грант и она – одни посреди этой опьяненной толпы остались бесстрастными, не захваченными эмоцией наблюдателями. Он следил, как Рей подманивает и обманывает этого беднягу-певца, так же холодно и расчетливо, как он, Грант, водил форель на Тесте. С милой улыбкой она отобрала чужой триумф, чужой успех и приколотла его к своему и без того ослепительному наряду. И никто этого не заметил. Разве только потом кто-нибудь скажет, что, мол, исполнитель главной роли был сегодня не на высоте, да это и понятно: где найдешь достойного Рей? А затем, обокрав его, она с чисто макиавеллиевским коварством вытащит его за руку, чтобы он разделил с ней овации, и каждый присутствующий будет думать: «А он-то здесь при чем?» Таким образом, его несовершенство по сравнению с ней будет подчеркнуто и не забыто. Тонко задумано! Этот спектакль в спектакле Грант наблюдал с захватывающим интересом. Он увидел теперь настоящую Рей Маркейбл, и то, что он увидел, произвело на него весьма странное впечатление.

Грант настолько увлекся, что очнулся, лишь когда опустили занавес и раздались оглушительные аплодисменты. Он продолжал стоять в своем темном углу на балконе, ощущая легкий озноб. Раз, другой и третий взвивался занавес над ярко освещенной сценой; презенты и цветы полетели за рампу из зала. Затем пошли речи. Сначала – Голан с огромной бутылкой виски в руках, изо всех сил старавшийся казаться остроумным, веселым, что ему не особенно удавалось: у него срывался и дрожал голос.

Грант догадывался, что актер, верно, вспоминал мучительные годы скитаний по грязным городишкам, бесконечные дешевые номера в дешевых гостиницах, изнуряющие два спектакля в день и вечный страх, что появится новый певец и его уже не пригласят. Да, Голану долго, слишком долго приходилось петь только для того, чтобы наскрести деньги на скудный ужин. Неудивительно, что теперешнее пиршество оказалось для него слишком сытным и лишило его дара речи. Потом говорил продюсер и затем – Рей Маркейбл.

– Дамы и господа! – раздельно произнесла она ясным, звонким голосом. – Два года назад, еще не зная меня, вы были добры ко мне. Тогда вы дали мне больше, чем я заслуживала. И сегодня вы сделали это снова. Я могу только сказать одно: спасибо вам.

«Очень мило, – думал Грант, пока овации перерастали в сплошной гул. – Совсем в духе пьесы».

Он повернулся, чтобы уйти. Он знал заранее, что последует за этим: все, вплоть до суфлера и мальчика-посыльного, будут выступать с речами. Он уже выслушал достаточно. Минував красно-коричневый вестибюль, он вышел в ночь, чувствуя странное стеснение в груди. Не выкинь он за борт в свои тридцать пять ненужный хлам, называемый иллюзиями, вполне можно было бы подумать, что причина этому – разочарование. Ведь до сегодняшнего вечера Рей Маркейбл ему по-настоящему нравилась.

Глава седьмая

Дела продвигаются

– Не по-христиански вы живете, – изрекла миссис Филд, ставя перед Грантом неизменную яичницу с беконом.

Миссис Филд долго пыталась отвадить Гранта от привычки есть на завтрак яичницу с беконом; готовила ему изысканные завтраки по рецептам, почерпнутым из газет, доставала у мистера Томкинса – под угрозой перестать пользоваться его услугами – всякие деликатесы вроде почек, но Грант не поддался ей, как и многим другим в свое время. Он по-прежнему ел на завтрак яичницу с беконом – и в субботу, и в воскресенье, и в понедельник. Сегодня было воскресенье, восемь утра, что и подвигло миссис Филд на вышеупомянутое замечание. «Не по-христиански» в ее словаре значило не отсутствие твердых принципов, а пренебрежение удобствами и покоем. То обстоятельство, что он в воскресенье уже в восемь утра сидит за завтраком, огорчало ее гораздо сильнее, чем суровая работа, которой он занимался в течение всей недели. Она не переставала сокрушаться по этому поводу.

– Прямо диву даешься, почему ее величество не очень-то спешит награждать вас орденами. Кто еще в Лондоне должен в воскресенье завтракать в такую рань?

– В таком случае награждать нужно и их квартирных хозяек, – ответил Грант, – за то, что дают инспекторам кров и пищу.

– Спасибо, мне и без наград этой чести довольно.

– Хотел бы я вам на это сказать что-нибудь такое же приятное, но за завтраком это у меня плохо получается. В восемь утра только женщина способна быть остроумной.

– Вы и представить себе не можете, как меня уважают за то, что у меня живет инспектор из Скотленд-Ярда.

– Да неужели?

– Истинно так. Только можете не волноваться: у меня рот всегда на замке. От меня никто ничего не выведает. Многим хотелось бы знать, что думает инспектор да кто у него бывает, но я знай себе помалкиваю – пусть выпытывают да допытывают. И никаких намеков понимать не желаю.

– Это очень благородно с вашей стороны, миссис Филд. Из-за меня о вас может сложиться превратное мнение как о женщине недалекого ума.

Миссис Филд моргнула раз, моргнула другой, наконец пришла в себя и, проговорив: «В конце концов, это мой долг, пускай и не очень приятный», удалилась.

Грант уже отзавтракал и собирался уходить, когда она явилась снова и, созерцая оставшийся несъеденным тост, сокрушенно заметила:

– Вы хотя бы в середине дня поешьте поплотнее. На пустой желудок ничего путного в голову не придет.

– Зато на полный желудок никого не догонишь!

– Ну, в Лондоне долго гоняться за кем-то не надо. Всегда найдется человек, который поможет изловить, кого требуется!

Направляясь к автобусной остановке, Грант улыбался про себя такому упрощенному представлению о работе уголовного отдела Ярда. Однако сдержать поток людей, которые, по их словам, видели разыскиваемого, не было никакой возможности. Добрая половина лондонцев утверждали, что видели его, по крайней мере со спины. А количество подозрительных порезов на руках могло бы показаться невероятным любому, кто сам никогда не участвовал в розыске и поимке преступников.

Все долгое солнечное утро Грант просидел у стола, терпеливо просеивая рапорты и рассылая своих подчиненных кого куда, подобно генералу, направляющему подкрепления на поля

сражений. Все сообщения из провинции он отложил в сторону – за исключением двух: они нуждались в тщательной проверке. Нельзя упускать из виду и такую возможность, как она ни мала, что человек на Стренде – не Даго. Два сотрудника отдела были направлены для перепроверки этих двух сообщений: один – в Корнуэлл, другой – в Йорк. Весь день у локтя Гранта не смолкал телефон, и весь день он приносил лишь негативную информацию. Некоторые из тех, за кем Грант приказал понаблюдать, не имели, по мнению детективов, ничего общего с подозреваемым. Но и эта ценная информация нередко стоила долгих часов утомительного бдения за занавеской кружев ноттингемского производства в одном из пригородных домов в ожидании того момента, когда «тот самый мужчина из третьего дома отсюда» пройдет мимо и его можно будет хорошенько рассмотреть. Один из подозреваемых оказался лордом, известным широкой публике как игрок в поло. Выслеживавший его детектив настиг пэра Англии в гараже, откуда тот брал машину, намереваясь устроить себе небольшую воскресную разминку – погонять миль триста-четыре, – и, увидев, что его заметили, рассказал ему чистую правду о том, чем занимается.

– Я понял, что вы за мной следите, – сказала сиятельная особа, – но, поскольку в настоящий момент моя совесть чиста, как никогда, это меня несколько удивило. За мою недолгую жизнь меня много в чем подозревали, но за убийцу не принимали ни разу. Желаю удачи.

– Благодарю вас, сэр, – и вам того же. Надеюсь, когда вы вернетесь, ваша совесть будет не менее чиста, чем сейчас.

И его светлость, которого задерживали за превышение скорости, пожалуй, больше, чем кого-либо в Англии, понимающе улыбнулся.

И все же в то воскресенье подчиненным Гранта было легче, чем ему, Гранту, который весь день не вылезал из своего кабинета, с механической четкостью управляя действиями своих детективов. После ланча заглянул Баркер, но никаких новых идей по части того, как ускорить расследование, у него не оказалось. Нельзя было оставить без внимания ни одной мелочи. Любое, пусть самое невероятное сообщение следовало проверить беспощадным методом исключения. Это было все равно как вскопать лопатой огромное поле – работа тяжелая и совсем не для праведного христианина, как выразилась бы миссис Филд. С невольной завистью Грант взглянул через окно, поверх Темзы, над которой висел легкий туман, в сторону Суррея, освещенного сейчас заходящим солнцем. Как хорошо, наверное, нынче в Хэмпшире! Ему представились леса Денбюри в весеннем зеленом уборе. А чуть позже, вечером, после захода солнца, настанет самое время клева на Тесте...

Домой Грант вернулся поздно, но зато проверил все сообщения. С наступлением вечера их поток стал заметно уменьшаться, а затем и вовсе иссяк. Но за ужином – поскольку для миссис Филд возвращение с работы означало немедленное кормление – он продолжал напряженно прислушиваться к телефону. Инспектор лег в постель, и ему приснилось, будто ему звонит Рей Маркейбл и говорит: «Вы никогда не отыщете его, никогда, ни за что!» Она все повторяла одну эту фразу, не обращая внимания на его просьбы о помощи, мольбы дать ему информацию, и он ждал с нетерпением, когда наконец телефонистка скажет: «Ваше время истекло». Но еще до этого телефон вдруг превратился в удочку, что его почему-то совсем не удивило, и он использовал эту удочку как кнут: он погонял четверку лошадей, которые мчали его по ноттингемской улице; в конце улицы виднелось болото, как раз перед болотом, посреди улицы стояла официантка из гостиничного ресторана. Он пытался крикнуть, потому что лошади неслись прямо на нее, и не мог. Официантка же тем временем стала разрастаться прямо у него на глазах, пока не заслонила собою всю улицу. Когда лошади готовы были налететь на нее, она вдруг выросла настолько, что нависла уже над конями, и над Грантом, и над улицей, и над всем остальным. Им овладело чувство неизбежности, которое возникает в момент катастрофы.

«Вот оно!» – подумал Грант и проснулся, ощутив удобную подушку под щекой и осознав, что он снова в том мире, где у каждого действия есть своя причина.

«А все это сырное суфле!» – подумал он, перевернулся на спину и, глядя в темный потолок, дал мыслям идти своим путем.

Почему все-таки убитый не хотел быть узнанным? Может, это получилось случайно? В конце концов, не хватало только ярлычка с именем портного; на галстук же название фирмы было сохранено, а галстук – первое, на что должен был обратить внимание мужчина, если действительно желал оставаться неизвестным. Однако если предположить, что ярлычок с костюма оторвался случайно, то чем объяснить немногочисленность предметов в его карманах? Несколько монет, платок, револьвер. Даже часов при нем не было. Это явно говорило о намерении покончить с собой. Может, он разорился? Он не был похож на бедняка, но это еще ничего не доказывало. Грант знал бездомных, которых можно было принять за миллионеров, встречал и нищих, у которых были солидные банковские счета. Быть может, человек этот потерял все, что у него было, и решил, что лучше свести счеты с жизнью, чем медленно опускаться на самое дно. Быть может, и визит в театр на последние несколько шиллингов был просто прощальным вызовом богам, которые изменили ему, предали его? И последняя ирония судьбы – удар кинжалом, всего на час-два опередивший его собственную руку с револьвером? Да, но если он разорился, почему бы не обратиться за помощью к другу – к тому самому, кто явно не испытывал недостатка в средствах? А может, он и обращался? И тот отказал? И послал потом эти двадцать пять фунтов из чувства раскаяния? Если он, Грант, примет ту версию, что наличие револьвера и отсутствие каких-либо указаний на личность говорит о намерении покончить с собой, тогда убийство можно считать результатом ссоры – весьма вероятно, между двумя членами мафии, которая кормится на скачках. Возможно, Даго разорился с ним вместе и винил его в своем крахе. Это было наиболее логичное объяснение. Более того: оно объясняло и все прочие обстоятельства. Мужчина, интересовавшийся скачками, – вероятно, букмекер – найден мертвым. При нем – ни часов, ни денег; похоже, хотел покончить с собой. И еще: слышали, как Даго что-то от него требовал, а он не мог либо не хотел ему это что-то дать, и тогда Даго его заколол. Далее: друг, не пожелавший помочь убитому деньгами при жизни, – возможно, он уже вызволял его до этого случая и теперь у него иссякло терпение – охвачен таким раскаянием, узнав о его кончине, что решает щедро, хотя и анонимно, оплатить его похороны. Пока что это чистая теория. Но так все сходится. Или почти все. Правда, один пазл в головоломке, как его ни приспособлявай, все равно не укладывался на место: эта версия не объясняла, почему никто так и не востребовал тело. Если то, что произошло, – результат ссоры двух человек, то молчание его друзей уже нельзя приписать страху быть замешанным. Трудно себе представить, чтобы Даго держал в страхе всех настолько, что никто не воспользовался испытанным приемом малодушных и трусов – то есть не связался с полицией посредством анонимного звонка.

Ситуация складывалась чрезвычайно любопытная, можно даже сказать, уникальная. В практике Гранта еще не было случая, чтобы они уже готовились схватить убийцу и при этом еще не знали имени жертвы.

Легкий дождик вкрадчиво пробежался по оконному стеклу. Прощай, хорошая погода, сонно подумалось Гранту. Потом наступило черное, глухое затишье. Будто дождик, как разведчик, посланный вперед перед наступлением, подкрался и осмотрел подступы. Издалека донесся глубокий вздох пробудившегося от долгого сна ветра. Затем передовые боевые отряды ливня яростно атаковали окно. Следом за ними мчался яростный ветер, с ревом заставляя их кидаться вперед. Потом в дикой этой симфонии раздалось звуки знакомые и успокаивающие, как тиканье часов: кап-кап-кап – монотонно закапало с крыши. Глаза Гранта сами собой закрылись, и не успел шквал затихнуть вдали, как он уже крепко спал.

Однако и утром – серым утром, укутанным в морозящее покрывало, – его теория казалась ему вполне прочной при условии, если заткнуть в ней малюсенькую дырочку. Только днем, когда, идя по следам друга убитого, Грант начал беседовать с главным управляющим филиа-

лом Вестминстерского банка в районе Адельфи, он понял: его милый карточный домик разваливается у него на глазах.

Управляющий оказался спокойным седовласым господином, его блеклая кожа странным образом напоминала цветом бумажную денежную купюру. Однако манерой обращения он больше походил на средней руки врача, чем на банкира. Гранту вдруг показалось, что сухие пальцы мистера Доусона вот-вот возьмут его запястье, чтобы прощупать пульс. Однако в это утро господин Доусон предстал перед инспектором скорее в роли Меркурия или Джаггернаута, но никак не Эскулапа. Он сообщил следующее. Все пять купюр, интересовавших инспектора, были выданы на руки обычным путем третьего числа и составляли часть платежа общей суммой в двести двадцать три фунта и десять шиллингов. Деньги были сняты их клиентом, который уже три года имеет у них счет. Его имя – Альберт Соррел; он держит небольшую букмекерскую контору на Минлей-стрит. Снятая сумма представляет собой все деньги, лежавшие на этом счете; оставлен лишь один фунт – предположительно для того, чтобы счет не закрывали.

«Прекрасно! – подумал Грант. – Значит, приятель тоже букмекер».

Знает ли мистер Доусон господина Соррела в лицо? – осведомился он. Нет, сам мистер Доусон его не помнит, но кассир наверняка знает. Позвали кассира.

– Это инспектор Грант из Скотленд-Ярда, – произнес мистер Доусон. – Он желает, чтобы ему описали, как выглядит господин Соррел. Я сказал, что вы сможете это сделать.

И кассир смог. С точностью, которая исключала всякую возможность ошибки, он описал... убитого. Когда он замолчал, Грант лихорадочно попытался объяснить себе, что это означает. Может, убитый задолжал приятелю, тот взял все его деньги, а потом, одолеваемый муками совести, с запозданием решил проявить великодушие? Может, именно таким образом все деньги оказались у приятеля? Третьего числа. То есть за десять дней до убийства.

– Соррел сам получал эти деньги?

– Нет, – сообщил кассир.

Чек предъявил незнакомый ему человек. Он его тоже запомнил – очень смуглый, худой, роста чуть ниже среднего, с высокими скулами. Чуть-чуть смахивал на иностранца.

Даго! Он самый!

Гранта охватило радостное возбуждение; у него даже слегка перехватило дух, – должно быть, именно так чувствовала себя Алиса во время своего стремительного путешествия с Красной Королевой. Дела действительно продвигались вперед – и какими темпами! Он попросил показать чек, и чек был представлен.

– Вы не думаете, что он поддельный? – спросил Грант.

Нет, подобная мысль им в голову не приходила. И подпись, и сумма были проставлены почерком Соррела, чего при подделке как раз и не бывает. Предъявили остальные чеки погибшего. Сама мысль о подделке категорически отвергалась. Если это и фальшивый чек, то выполнен с необычайным искусством.

– Даже если будут представлены доказательства, что он фальшивый, – сказал мистер Доусон, – боюсь, что мы вам не поверим. Думаю, вам следует исходить из того, что чек настоящий.

И Даго получил по нему деньги. У него оказалась вся сумма, лежавшая на депозите, за исключением двадцати шиллингов. А десять дней спустя он, значит, покончил с Соррелом ударом ножа в спину. Ладно, это, по крайней мере, неопровержимо доказывало существование тесной связи между этими двумя людьми, что будет важно при слушании дела в суде.

– У вас есть номера остальных банкнот, выданных по чеку Соррела?

Номера были, и Грант их переписал. Затем он спросил, имеется ли у них домашний адрес Соррела. Домашнего адреса не оказалось, а его контора помещалась в номере тридцать два по Минлей-стрит, недалеко от Чаринг-Кросс-роуд.

Направляясь по этому адресу, Грант пытался осмыслить то, что узнал. Даго получил деньги по чеку, выписанному Соррелом и им же подписанному. Версию о краже, видимо, следовало исключить, поскольку за десять дней между выплатой по чеку и своей смертью Соррел не поднял никакого шума. Следовательно, Соррел сам передал чек в руки Даго. Почему бы тогда не выписать этот чек прямо на его имя? Наверное, потому, что не в интересах Даго было, чтобы его имя появилось на чеке. Может, он выколачивал деньги из Соррела? Может, его требование что-то ему отдать, которое, по словам Рауля Легара, составляло лейтмотив разговора в очереди, как раз и было очередной попыткой вымогательства? Это значило бы, что Даго не был невезучим партнером разорившегося Соррела, а был непосредственной причиной его разорения. Во всяком случае, передача всех денег в руки Даго объясняла и отсутствие денег у самого Соррела, и его намерение покончить с собой.

И тут сразу же возникал вопрос: кто тогда послал двадцать пять фунтов? Грант отказывался верить, что человек, выманивший у Соррела деньги и потом заколовший его из-за того, что ему не дали еще, пожелал вдруг расстаться с такой крупной суммой по столь ничтожному поводу, как похороны. Значит, был кто-то третий. И этот третий знал Даго достаточно близко, если ему перепало по крайней мере двадцать пять фунтов из суммы, которую получил Даго. Более того, этот кто-то и убитый жили вместе, о чем свидетельствовали отпечатки пальцев на конверте с деньгами. Щедрость отправителя и сентиментальность самого жеста наводили на мысль о том, что это была женщина, однако эксперты-графологи высказали полную уверенность, что печатные буквы выведены рукой мужчины. Естественно, этот кто-то был и владельцем револьвера, с помощью которого Соррел решил свести счеты с жизнью. Получался запутанный клубок, но уже хорошо, что это клубок, в котором все нити тесно переплетены, и постепенно инспектор начинает его распутывать. Еще немного, и он потянет за ту нить, которая поможет размотать его до конца. Теперь узнать бы побольше о привычках и образе жизни убитого – и Даго окажется у них в руках.

У Минлей-стрит, как и у других малых улиц, отходящих от Чаринг-Кросс-роуд, вид отчасти таинственный, отчасти неприветливый, что делает ее довольно малолюдной. Свернувший на нее чужак чувствует себя неловко – словно он случайно забрел в чье-то частное владение или оказался в маленьком кафе под удивленными, изучающими взглядами завсегдатаев. Но Грант, хотя никогда не жил на этой Минлей-стрит, чужаком себя не ощущал. Как любой работник уголовного отдела Ярда, он досконально знал все углы и закоулки возле Чаринг-Кросс-роуд и Лестер-сквер. И если бы внешне респектабельные, но жуликоватые дома могли говорить, то, вероятно, Грант услышал бы от них: «Э, да ты опять здесь?» На дверях тридцать второго номера красовалась табличка с надписью: «Альберт Соррел: принимает ставки и производит расчеты по скачкам. Второй этаж». Грант вошел и поднялся по плохо освещенной лестнице с влажным запахом недавней уборки. Он оказался на широкой площадке и постучал в дверь, на которой стояло имя Соррела. Как он и ожидал, ответа не последовало. Грант толкнул дверь, но она оказалась запертой. Он уже повернулся, чтобы спуститься вниз, как вдруг различил за дверью какой-то шорох. Грант снова постучал – уже громче. В последовавшей за этим тишине до него донеслось громкое, но отдаленное гремяние транспорта, шаги пешеходов, спешивших мимо, но внутри комнаты все было тихо. Грант заглянул в замочную скважину. Ключа в ней не было, но обзор оказался невелик: он увидел только угол стола и верхнюю часть ящика для угля. Комната, куда он заглядывал, была, видимо, подсобной из тех двух, где располагалась контора Соррела. Некоторое время Грант простоял в ожидании, не двигаясь, но никакого движения в крохотной панораме, обрамленной замочной скважиной, не уловил. Он выпрямился и собрался уйти, но не успел сделать и шага, как шорох раздался снова. Прислушиваясь, Грант склонил голову набок и тут заметил, что с перил следующего этажа свешивается человеческая голова; волосы, по закону гравитации упавшие на опрокинутое вниз лицо, придавали ей чудовищный и зловещий вид.

– Вы кого-то ищете? – вежливо произнесла голова, видимо догадавшись, что ее обнаружили.

– По-моему, это и так ясно, – язвительно заметил Грант. – Я ищу владельца этого офиса.

– Да ну? – произнесла удивленно голова и исчезла.

Через минуту она уже появилась в своем обычном нормальном положении, и оказалось, что она принадлежит молодому человеку в заляпанном фартуке, какой обычно носят художники. Весь пропахший скипидаром, он спустился на площадку, пальцами в краске приглаживая свою пышную шевелюру.

– По-моему, этот тип уже довольно давно сюда не приходил, – сказал он. – Я занимаю два верхних этажа: на одном живу, на другом у меня мастерская. Я часто встречал его на лестнице и слышал этих его... не знаю, как их называют. Вам, верно, известно, он же букмекер.

– Его клиентов? – подсказал Грант.

– Ну да, клиентов. Я слышал иногда этих его клиентов. Но пожалуй, уже две недели, как я его не встречаю и никого не слышу.

– Не знаете, он бывал на круге?

– Что это?

– Я имел в виду скачки. Ездил он на бега?

Об этом художник не знал.

– Слушайте, мне надо попасть в его офис. Где я могу взять ключ?

Художник полагал, что ключ должен быть у Соррела. Впрочем, контора по найму квартир находилась где-то недалеко от Бедфорд-стрит. Ни названия улицы, ни номера дома он так и не запомнил, но дорогу туда знает. Собственный ключ он давно потерял, а то можно было бы попробовать открыть дверь его ключом.

– А как же вы поступаете, когда уходите? – спросил Грант с любопытством, пересилившим желание поскорее проникнуть за запертую дверь.

– Оставляю все открытым, – ответило сие беззаботное существо. – Тот, кому удастся найти у меня что-нибудь ценное, – человек поумнее меня!

И тут за запертой дверью снова раздался шорох – не шорох даже, а какое-то едва слышное передвижение. Глаза художника полезли на лоб и скрылись за гривой волос. Он кивнул на дверь и вопрошающе взглянул на инспектора. Ни слова не говоря, Грант схватил его за руку, и они тихо спустились на один пролет.

– Послушайте, я служу в сыском отделе, вы знаете, что это такое? – спросил Грант, поскольку после того, как художник в святой простоте своей не понял, что значит слово «круг», Грант сильно усомнился в его представлениях о прочих мирских делах.

– Знаю. Это патрульная служба, – живо откликнулся художник.

Грант решил не терять времени на объяснения и продолжил:

– Мне нужно проникнуть в эту комнату. Есть тут какой-нибудь задний двор, откуда видно ее окно?

Таковой, оказывается, существовал; художник повел его через первый этаж темным коридором в заднюю часть дома и вывел во дворик, мощенный кирпичом, который когда-то, вероятно, был частью деревенской гостиницы. У стены была маленькая пристройка, крытая свинцовым железом, а прямо над нею – окно сорреловской конторы. Верхняя часть его была чуть приоткрыта; складывалось впечатление, что в конторе кто-то есть.

– Подсадите меня, – попросил Грант и через минуту был уже на свинцовой крыше. Отталкиваясь от заляпанной краской ладони юноши, он как бы между прочим заметил: – Обязан вас предупредить: теперь вы соучастник преступного деяния – проникновение в чужое жилище абсолютно противозаконно.

– Это счастливейший момент в моей жизни, – отозвался художник. – Я всегда мечтал нарушить закон, да все случай не подворачивался. И я это совершаю вместе с полицейским! Такая удача мне и не снилась.

Но Грант уже не слушал. Его взгляд был прикован к закрытому окну. Он медленно выпрямился, пока его голова не оказалась на уровне подоконника, и осторожно заглянул внутрь. Ни малейшего движения. Неожиданно Грант услышал позади себя какой-то звук, резко обернулся и обнаружил, что художник стоит на крыше рядом с ним.

– У вас есть оружие? – осведомился художник. – Может, принести вам кочергу?

Грант покачал головой, резким движением поднял нижнюю половину рамы и проник в комнату. Кроме его собственного учащенного дыхания – ни звука. В тусклом свете серел толстый слой пыли, скопившейся в пустом помещении. Но дверь напротив, в следующую комнату, была приоткрыта. В три прыжка он оказался у двери и распахнул ее. В тот же миг из комнаты с громким испуганным мяуканьем выскочил огромный черный котик. Инспектор не успел опомниться, как тот, пролетев через всю комнату, выскочил в окно. За этим последовал вопль художника, потом что-то покатилося и грянулось оземь. Грант подошел к окну; снизу, со двора, до него донеслись странные придушенные звуки. Он торопливо соскользнул с крыши и обнаружил своего сообщника сидящим на грязных кирпичках. Тот обеими руками держался за явно пострадавшую голову, страдальчески корчась от хохота. Успокоенный, Грант вернулся обратно в комнату Соррела, чтобы просмотреть ящики стола. Все они были пусты, их тщательно, методически опустошили. Вторая комната, выходившая на улицу, тоже была не жилая, а приспособлена под офис. Значит, Соррел квартировал где-то в другом месте. Грант прикрыл за собой окно и соскользнул с крыши на землю. Художник все еще сотрясался от приступов хохота, вытирая слезившиеся глаза.

– Серьезно ушиблись? – спросил Грант.

– Только ребра, – ответил, поднимаясь, его патлатый помощник. – Всего лишь растяжение продольных мышц.

– Двадцать минут потрачено впустую, но мне нужно было убедиться самому, – сказал Грант, снова следуя заковыляющим художником темным коридором.

– Совсем не впустую. Подумайте лучше о том, как вы меня осчастливили. Знали бы вы, как я вам признателен, – отозвался лохматый. – Перед вашим приходом я был просто в отчаянии. Не могу работать по понедельникам. Их просто не должно быть, этих понедельников. Я бы вытравил их из календарей синильной кислотой. А вы сделали из моего понедельника незабываемый день. Для меня это страшно важно. Как-нибудь отвлекитесь от своих правонарушительных действий, загляните ко мне, и я вас нарисую. У вас великолепная голова.

Внезапная идея осенила Гранта.

– Скажите, а вы не могли бы набросать по памяти портрет Соррела? – спросил он.

Юноша подумал и потом ответил:

– Пожалуй, смог бы. Поднимемся на минутку ко мне.

Он привел Гранта в забитое холстами, красками, тканями и кучей каких-то других предметов помещение, которое у него называлось студией. Если бы не толстый слой пыли, могло бы показаться, что здесь минуту назад пронесся поток, потому что лишь отхлынувшая вода способна оставить вещи и предметы в столь странном соседстве и расположении на плоскости. Порывшись и пораскидав то, что лежало сверху, живописный юноша извлек откуда-то бутылочку с тушью, а после нескольких минут новых поисков – и тонкую кисточку. Он нанес несколько штрихов на чистый блокнотный лист, критически посмотрел на то, что получилось, вырвал листок и вручил его Гранту со словами:

– Не очень точно, но общее впечатление передает.

Набросок поразил Гранта своей выразительностью. Тушь еще не совсем просохла, но было ясно, что художнику удалось оживить мертвеца. Эскиз, правда, был выполнен с чуть

заметным нажимом, в нем явно было что-то от карикатуры, но лицо получилось живое: ни одна фотография не способна была создать подобный эффект. Художнику даже удалось схватить выражение беспокойного ожидания, которое было, вероятно, свойственно Соррелу при жизни. Грант поблагодарил его от всей души и дал ему свою визитную карточку, заметив при этом:

– Если я вам понадобится, пожалуйста, не церемоньтесь – заходите.

Он ушел, не дожидаясь, когда лохмач прочтет его имя и поймет, с кем именно его свел случай.

Рядом с Кембридж-серкус располагаются внушительные апартаменты агентства Лари Марри. «Хотите быть счастливыми? Делайте ставки у Лари Марри!» – гласит реклама этой самой крупной букмекерской конторы в Лондоне. Грант как раз проходил мимо по противоположной стороне, когда сам благодетель человечества Лари Марри подкатил к офису. Грант знал его довольно давно и теперь проследовал за ним в его владения. Он попросил доложить о себе, и его провели через огромные пустынные помещения, где все сверкало – полированное дерево, бронза, стенки из сплошного стекла и бесчисленные телефоны, – в святая святых этого великого человека – его кабинет, увешанный снимками призовых лошадей.

– Так-так, – произнес Марри, одаряя инспектора сияющей улыбкой. – Хотите сделать ставку в состязаниях на кубок страны? Хотелось бы надеяться, что не на Кофейное Зернышко? Сегодня половина Англии на него ставит.

Инспектор уверил его, что не собирается спускать деньги даже на такого «верняка», как Кофейное Зернышко.

– Не хотите – не надо. Однако вряд ли вы пришли затем, чтобы предупредить меня не принимать ставки крадеными деньгами.

Инспектор усмехнулся. Нет, он всего лишь зашел выяснить, не знал ли Марри человека по имени Альберт Соррел.

– Никогда не слышал о таком. Кто он?

Предположительно, букмекер, подумал Грант.

– На каком круге работал?

Это Гранту неизвестно, но контора у него на Минлей-стрит.

– Значит, скорее всего, на «серебряном круге». Вот что я вам скажу: на вашем месте я бы сегодня прокатился в Лингфилд – там вы всех этих молодчиков с «серебряного круга» враз и ухватите – сэкономите время и силы.

Грант задумался. Действительно, это был самый разумный и самый быстрый ход, и он имел преимущество: можно было познакомиться с деловыми партнерами покойного, чего не давало одно лишь знание его домашнего адреса.

– Вот что я вам скажу, – опять заговорил Марри, видя, что Грант колеблется. – Поедем-ка мы вместе. Поезд туда вы все равно пропустили, так что на моей машине и поедем. Моя лошадка там бежит сегодня, но один я и не подумал бы ехать. Правда, тренеру обещал, но больно утро дрянное выдалось. Вы уже ели?

Инспектор сказал, что не успел, и, пока Грант говорил по телефону, Марри вышел распорядиться насчет того, чтобы им упаковали корзину с едой.

Часом позже Грант и Марри устроили себе ланч на природе. На природе, где было довольно серо и сыро, но пахло чистой, свежей зеленью трав и полей. Моросящий дождь, превративший Лондон в липкий кошмар, остался позади. В широких просветах рваных серых и влажных туч виднелось голубое небо, и к тому времени, когда они подъехали к воротам ипподрома, бледные, печальные лужицы в альпинарии уже неуверенно улыбались солнцу.

Через десять минут начинался первый заезд, и Грант, с трудом подавляя нетерпение, проследовал с Марри к белым перилам парадного кольца, за которыми безмятежно двигались по кругу лошади, принимающие участие в первом заезде. В то время как Грант-наблюдатель

любовался их красотой и выездкой – он хорошо разбирался в лошадях, – взгляд Гранта-инспектора пробежал по рядам зрителей, холодно отмечая среди присутствовавших известных ему людей. Вот Молленштейн – теперь он называл себя Стоуном, – у него такой вид, будто ему принадлежит весь мир. «Интересно, что он выдумал на этот раз, чтобы надувать простаков», – подумал Грант. Вряд ли он приехал сюда в холодный мартовский день ради скачек с препятствиями. Может, здесь один из его бедолаг-клиентов? А вон Ванда Морден; она только что вернулась после своего третьего медового месяца и, видимо, для того, чтобы все знали об этом, нарядилась в клетчатое пальто. Оно так бросалось в глаза, что, куда бы Грант ни обращал взгляд, все время натывался на пальто Ванды Морден. И лорд – игрок в поло, за которым следили, подозревая, что это Даго, – он тоже был тут. И многих, многих других – приятных и не очень – увидел здесь Грант и мысленно охарактеризовал для себя.

Как только закончился первый заезд и маленькая кучка счастливиц обступила букмекеров, а потом снова радостно рассыпалась по трибунам, Грант приступил к работе. Он методично расспрашивал о Сорреле в течение всего второго заезда, до того момента, пока желающие делать ставки снова не стали брать в кольцо букмекеров. Но о Сорреле никто ничего не знал, и, когда перед четвертым заездом с барьерами Грант снова встретился с Марри, чья лошадь как раз должна была бежать, вид у Гранта был невеселый.

Марри принял его неудачу близко к сердцу: стоя в парадном кольце возле своей лошади, он стал давать советы, как лучше выследить Соррела, не забывая при этом подбадривать и похваливать своего жеребца.

Грант вполне искренне выразил свое восхищение этой собственностью Марри – великолепным скакуном, – но его советы слушал вполуха. «Почему никто в „серебряном круге“ не знает Соррела?» – озабоченно размышлял он.

К парадному кольцу стали подходить жокеи, и толпа у перил поредела: люди спешили занять места, откуда лучше всего наблюдать забег; группы то и дело беспокойно выглядывали из-за холков своих подопечных, боясь упустить время, когда подадут сигнал к старту.

– А вот и Лейси, – проговорил Марри и кивнул жокею, который, ступая легко, как кошка, по мокрой траве, приближался к ним. – Знаете его?

– Нет.

– Его конек – стипль-чез. Но иногда он участвует в скачках с препятствиями и тут тоже бесподобен.

Грант об этом знал – в Скотленд-Ярде они знали все или почти все, – но до сих пор не встречался лично со знаменитым наездником. Жокей ответил на приветствие Марри легкой улыбкой, и Марри представил ему инспектора, не вдаваясь в причины его появления на скачках. Лейси зябко передернул плечами и с напускным ужасом проговорил:

– Хорошо, что сегодня не надо прыгать через водные препятствия. По сегодняшней погоде не хватало еще, чтобы тебя сбросили в воду.

– После душевных комнат и теплых одежек очень даже неплохо, – шутливо заметил Марри.

– Ездили в Швейцарию? – спросил Грант, чтобы поддержать разговор. Он знал, что Швейцария – зимняя Мекка всех наездников-специалистов по стипль-чезу.

– Швейцарию? – воскликнул Лейси с мягким ирландским выговором. – Какое там! У меня была корь. Вы только представьте – корь! Девять дней на одном молоке и месяц в постели.

Его приятное, с четкими, как на камее, чертами лицо исказила гримаса отвращения.

– К тому же от молока толстеют, – рассмеялся Марри. – Кстати, о толстых: вы никогда не встречались с человеком по фамилии Соррел?

Взгляд выцветших, но блестящих, как капельки ледяной воды, глаз жокея скользнул по инспектору и обратился к Марри. Хлыст, который до этого покачивался в его руке как маятник, вдруг замер.

– Кажется, припоминаю такого, – сказал он, помедлив. – Только он не был толстый. Вроде так звали помощника у Чарли Бадделея.

Но Марри такого помощника у Чарли Бадделея не помнил.

– Взгляните, пожалуйста, на этот портрет. Это он? – проговорил Грант и достал импрессионистический набросок лохмача.

– Надо же, как здорово! – воскликнул Лейси, с восхищением глядя на рисунок. – Точно, он и есть – помощник старины Бадделея.

– Где мне найти этого Бадделея? – спросил Грант.

– Трудноватый вопрос, – отозвался Лейси, и снова на его лице появилась та же полуулыбка. – Штука в том, что Бадделей уже два года как помер.

– Ах так? И с тех пор вы не встречали Соррела?

– Нет. Не знаю, что с ним случилось. Наверное, скрипит пером где-нибудь в конторе.

К ним подвели рысака. Лейси скинул пальто, снял галоши, аккуратно поставил их на травку, и грум посадил его в седло.

– Алвинсона сегодня нет? – спросил он, подбирая поводья (Алвинсон был тренером лошадей Марри). – Он сказал, у вас будут указания.

– Указания обычные. Делайте, что считаете нужным. Похоже, он должен победить.

– Ну и прекрасно, – спокойно откликнулся Лейси, и они проследовали к выходу на полосу – лошадь и человек: зрелище самое замечательное из тех, какие еще способен предоставить нам неласковый цивилизованный мир.

– Не унывайте, Грант, – сказал Марри, пока они направлялись к своим местам на трибуне. – Хоть Бадделей и умер, я знаю человека, который хорошо его знал. Кончится заезд, и я проведу вас к нему.

После этого Грант целиком отдался наслаждению скачками. Наблюдал, как на самом дальнем отрезке круга на фоне серого занавеса леса мелькают и струятся яркие цвета жокейских курточек, в то время как все трибуны, затаив дыхание, следили за ними; тишина стояла такая, как если бы Грант был здесь совсем один, а вокруг – только мокрые деревья и влажная трава да серая цепочка деревьев на горизонте. Наблюдал изнурительную борьбу на последней прямой и схватку на последних финишных метрах, когда лошадь Марри пришла второй, отстав всего на голову.

После того как Марри снова посмотрел на свою лошадку и поздравил Лейси с успехом, он повел Гранта к тотализаторам, где представил старику с румяными щечками – таких обычно изображают на рождественских открытках в виде кучера, управляющего несущейся сквозь снег почтовой каретой.

– Ты вроде знал Бадделея, Такер, – обратился к нему Марри. – Не помнишь, что случилось с его помощником?

– С Соррелом? – откликнулся человек с рождественской открытки. – Он открыл свое дело. У него контора на Минлей-стрит.

– Ездит на круг?

– По-моему, нет. У него только контора. Последний раз, как я его видел, дела у него шли хорошо.

– Когда это было?

– Давно уже.

– Вы знаете его домашний адрес? – спросил Грант.

– Нет, не знаю. А кому он помешал? Он хороший парень, этот Соррел.

Последнее замечание показывало, что Такер что-то заподозрил, и Грант поспешил заверить его, что никаких претензий к Соррелу у него нет. Тогда Такер при помощи большого и указательного пальцев растянул рот и издал пронзительный свист, адресуя его ближней к

кругу трибуне. Из массы обернувшихся на свист лиц он выбрал то, которое ему было нужно, и властно крикнул:

– Эй, Джо, дай-ка мне Джимми на минутку, дело есть!

И Джо тут же предъявил ему Джимми, как вынимают из кармана часы на цепочке. Джимми подошел к ним и оказался чистеньким юнцом с невинным личиком херувима, в умопомрачительного рисунка рубашке.

– Ты вроде был приятелем Соррела, так?

– Так, но я его тыщу лет не видел.

– Знаешь, где он живет?

– Ну, в те времена, когда мы еще виделись, он занимал квартиру на Брайтлинг-Крисцент. Это недалеко от Фулхэм-роуд. Я у него там бывал. Номер дома уже забыл, но хозяйку звали Эверет. Он там давно живет, Берт Соррел. Он же сирота.

Грант описал Даго и осведомился, имелся ли у Соррела такой знакомый.

Нет, Джимми такого с Соррелом не встречал, но, как он уже сказал, они тыщу лет не виделись. Берт поотстал от прежних дружков, когда открыл свое дело, хотя иногда и появлялся на скачках – так, удовольствия ради, а может, и за информацией. По подсказке Джимми Грант порасспрашивал еще двоих, которые знали Соррела, но ни один из них не пролил света по части того, с кем еще водил компанию Соррел. Букмекеры – народ особый. Они были поглощены своими делами, и Грант не вызывал у них большого интереса, а едва подошло время для следующих ставок, попросту забыли о его существовании. Грант сказал Марри, что он все закончил, и Марри, чей интерес к скачкам после последнего заезда заметно поостыл, тут же засобиравшись обратно в город. Но когда машина медленно выкатила со стоянки, Грант обернулся и окинул маленький оживленный ипподром, подаривший ему необходимую информацию, довольным взглядом. «Когда выдастся свободный денек, надо будет обязательно заглянуть сюда и устроить себе праздник», – подумал он.

На обратном пути Марри с воодушевлением толковал о том, что его занимало больше всего: о букмекерах и об их привычке держаться особняком.

– Они вроде шотландцев: между собой могут грызться как угодно, но, если кто-то вмешивается со стороны, они все сразу объединяются и выступают единым фронтом.

Говорил он также о лошадях и об их капризах; о тренерах и их твердых нравственных принципах; о Лейси и его находчивости. Потом все-таки спросил:

– Как продвигается дело об убийстве в очереди?

Грант ответил, что все идет хорошо. Если и дальше пойдет так же, то через денек-другой они, вероятно, произведут арест убийцы.

– Послушайте, не в связи ли с этим делом вам нужен Соррел? – спросил Марри после недолгого молчания.

Марри проявил себя человеком настолько деликатным, что Грант не стал отмалчиваться.

– Нет, – коротко сказал он. – В этой очереди убили как раз Соррела.

– Святые небеса! – воскликнул Марри. Некоторое время он ошеломленно молчал и наконец проговорил: – Жаль, очень жаль. Я не знал его лично, но, похоже, его все любили.

У Гранта создалось точно такое же впечатление. Соррел не был ни злодеем, ни проходцем. Как никогда раньше, Гранту не терпелось поскорее встретиться с Даго.

Глава восьмая

Миссис Эверет

Брайтлинг-Крисчент являла собою ряд трехэтажных домов из красного кирпича, основным украшением которых являлись все те же кружевные занавески ноттингемского производства и горшки с цветами. Каменные ступеньки были вылизаны до блеска и обезображены неуклюжим и неумеренным использованием цветной плитки. Некоторые из них пылали, будто от смущения, что так бросаются в глаза, иные, словно от навязчивого к ним внимания, кислотно желтели, третьи же таращились в полном ужасе от такого надругательства. Но все без исключения будто говорили: «*Nemo me impune lacessit*»¹. Конечно, можно было решиться и все-таки дернуть за ярко начищенный дверной звонок – они подмигивали, словно подзывали к себе, – однако переступить порог удавалось лишь посредством гигантских скачков, избегая адских ловушек в виде выложенных плиткой ступенек.

Грант шел вдоль улицы, по которой так часто проходил Соррел, и думал, ходил ли по ней также и Даго. Миссис Эверет – костлявая, близорукая женщина лет пятидесяти – сама открывала дверь, и Грант осведомился, дома ли Соррел.

– Мистер Соррел здесь больше не живет, – сообщила она. – Неделю назад он отбыл в Америку.

Ага, значит, ей так объяснили его отсутствие.

– Кто вам сказал, что он уехал в Америку?

– Сам господин Соррел, кто же еще?

Вероятно, он придумал эту легенду, чтобы скрыть намерение покончить с собой.

– Он жил здесь один?

– А кто вы такой и зачем вам это знать? – спросила миссис Эверет, и Грант объяснил, что он офицер уголовной полиции и хотел бы войти и поговорить с ней. Она казалась немного испуганной, но сохранила полное спокойствие и провела его в комнату на первом этаже. – Раньше тут жил мистер Соррел, – сказала она. – Сейчас эти комнаты занимает молодая особа – учительница. Она не станет возражать, если мы тут расположимся. Надеюсь, мистер Соррел не сделал ничего плохого? Такой тихий, достойный молодой человек.

Грант успокоил ее и снова спросил, жил ли Соррел здесь один.

– Нет, не один. С ним проживал еще другой джентльмен. Но когда мистер Соррел уехал в Америку, второму джентльмену пришлось искать себе новое жилье: снимать эту квартиру одному ему стало не по карману, а молодая леди давно хотела занять эти комнаты. Очень жаль, что они оба съехали. Такие милые молодые люди и добрые друзья.

– Как звали друга мистера Соррела?

– Джеральд Ламонт. Мистер Соррел держал свою букмекерскую контору, а мистер Ламонт работал у него в офисе. Нет, не как партнер, но они были очень дружны.

– У мистера Соррела были еще друзья?

– Очень немного, – сообщила миссис Эверет. – Он всюду бывал с Джерри Ламонтом.

После напряженного раздумья она все же вспомнила еще двух человек, которые заходили к Соррелу, и даже описала их достаточно подробно, так что Грант уверился: ни один из них не имел никакого сходства с Даго.

– У вас не сохранились фотографии Соррела или его приятеля?

---

¹ Не смей приближаться, о нечистый (*лат.*).

Кажется, они у нее где-то были, пусть инспектор подождет немного, она пойдет поищет. Грант не успел осмотреться, как она уже вернулась с двумя любительскими фотографиями размером с почтовую открытку.

– Это они снимались прошлым летом, когда отдыхали на Темзе.

Один и тот же кусочек поросшего ивой берега Темзы, и один и тот же конец ялика. На одном снимке – Соррел в мягких брюках из шерстяной фланели, с трубкой в одной руке и с подушечкой в другой. На втором – тоже молодой человек в таких же брюках: Даго. Грант сидел, долго вглядываясь в его смуглое лицо. Снимок получился на редкость хорошим. И глаза – не просто темные провалы, как на большинстве любительских фотографий, а глаза реального, живого человека. Гранту сразу вспомнился ужас, мелькнувший в них на Стренде. Даже здесь, в момент приятного отдыха на реке, глаза были настороженные. Нет, в этом лице с ярко обозначенными скулами не было дружелюбия.

– Так куда, вы сказали, переехал Ламонт? – спросил как бы между прочим Грант.

Это ей неизвестно.

Грант пытливо посмотрел на женщину: говорит ли она ему правду? Будто догадываясь о его подозрениях, она добавила, что, кажется, он снимает комнату где-то на южном берегу Темзы. Такой ответ лишь укрепил Гранта в его подозрениях. Вероятно, она знает больше, чем говорит. Кто же все-таки послал деньги на похороны Соррела? Выходило, что предполагаемый близкий друг и Даго – одно и то же лицо, но Даго, у которого оказались деньги Соррела – все его двести двадцать три фунта, – решительно не стал бы этого делать. Грант кинул взгляд на суровое лицо женщины. У такой, вполне возможно, и почерк как у мужчины. Графологи тоже ведь ошибаются. С другой стороны, человек, давший деньги на похороны, являлся и владельцем револьвера. «Не так, – поправил он сам себя. – Оружие принадлежало человеку, который отправлял деньги».

Грант осведомился, был ли у кого-нибудь из приятелей револьвер.

– Нет, – ответила миссис Эверет. Ничего подобного она у них не видела. Не такие они люди.

Ну вот, снова она подчеркивает, какие они были тихие. Что за этим скрывается – просто симпатия или неуклюжая попытка сбить его со следа? Он хотел было спросить, не левша ли Ламонт, но что-то удержало его. Если она говорит неправду, такой вопрос в отношении Ламонта моментально ее насторожит. Она сразу догадается, что именно расследует Грант. Она предупредит преступника и спугнет птичку, прежде чем они будут готовы стрелять. И потом, эта деталь в данный момент не столь важна. Человек с фотографии был тем самым, кто жил вместе с Соррелом; тем самым, кто удрал от Гранта на Стренде; тем, у кого оказались все деньги Соррела, и почти наверняка тем самым человеком из очереди. Легар сможет его опознать. Сейчас самое важное – не обнаружить перед миссис Эверет, как много уже известно.

– Когда Соррел уехал в Америку?

– Его судно отплывало четырнадцатого, но он съехал тринадцатого.

– Несчастливый день! – пошутил Грант в надежде сделать разговор более доверительным.

– Все это глупые суеверия. День как день.

Между тем Грант напряженно соображал: ведь убийство произошло именно тринадцатого.

– А господин Ламонт? Он съехал вместе с ним?

Оказалось, они вышли вместе утром тринадцатого. Мистер Ламонт собирался отвезти вещи на новую квартиру и встретиться с господином Соррелом позже. А мистер Соррел должен был отправиться в Саутгемптон ночным паромом. Она хотела проводить его, но господин Соррел этого не пожелал.

– Почему?

– Сказал, что слишком поздно и вообще он не любит, когда его провожают.

– У него есть родные?

Нет, насколько ей известно.

– А у Ламонта?

– У него? Отец, мать и брат, но сразу после войны они эмигрировали в Новую Зеландию, и больше он их не видел.

– Сколько они прожили здесь?

– Господин Соррел – восемь лет, а господин Ламонт – четыре.

– Кто жил с Соррелом в предыдущие четыре года?

Разные люди, но большую часть времени ее родной племянник, он сейчас в Ирландии. Господин Соррел всегда был дружен со всеми, кто с ним жил.

– Мистер Соррел – он любил смеяться, много шутил?

Нет, она бы этого не сказала. Господин Соррел совсем не такой. Мистер Ламонт – тот действительно любит смеяться и шутить. Господин Соррел тихий, но очень приятный джентльмен. Бывало, загрустит, так господин Ламонт старается его развеселить.

Гранту пришлось на ум, какую «благодарность» обычно испытываешь к тому, кто насильно пытается снять твое мрачное настроение; тут впору бы Соррелу резать Даго, а не наоборот.

– Они когда-нибудь ссорились?

Насколько ей известно – никогда, а от нее это никак бы не укрылось.

– Ладно. Надеюсь, вы не имеете ничего против, если я возьму у вас дня на два эти фотографии? – спросил Грант, собравшись уходить.

– А вы мне в целости их вернете? Это все, что у меня осталось на память, а я очень была привязана к ним обоим. – (Грант это обещал и бережно положил снимки себе в записную книжку, моля Провидение, чтобы на них оказались столь нужные ему отпечатки пальцев.) – Они никогда не делали ничего плохого.

– Ну, если так, тогда им нечего опасаться.

Он поспешил в Ярд и там в ожидании, пока обработают снимки, выслушал рапорт Уильямса: обход букмекерских контор не дал никаких результатов. Получив назад фотографии, Грант отправился к Лорену. Из-за позднего времени там было пустынно. Одиноким официант рассеянно смахивал крошки со стола, в воздухе стоял запах пряных соусов, вина и сигарет. Официант прервал свое занятие и не торопясь подошел принять заказ у Гранта с видом человека, который не ожидает от жизни ничего хорошего и, более того, испытывает некоторое меланхоличное удовлетворение от сознания своей правоты, – с тем видом, с каким официанты обычно встречают любого, кто имеет глупость прийти во внеобеденное время. Узнав Гранта, он срочно попытался придать своим чертам иное, более приличествующее обстоятельствам выражение – что-то вроде: «Какая честь обслуживать столь привилегированного клиента», хотя в действительности на лице явственно читалось: «Вот влип так влип! Это же любимчик Марселя!»

Грант не преминул справиться о Марселе и узнал, что утром тот спешно отбыл во Францию. Умер его отец, и Марселю, как единственному сыну, предстояло разобраться с виноградником и солидным торговым делом, оставшимся в наследство. Отсутствие Марселя не слишком опечалило Гранта. Манеры, коими так гордился Марсель, неизменно вызывали у Гранта легкую тошноту. Он сделал заказ и попросил вызвать к нему Рауля Легара, если тот находится поблизости. Через несколько минут из-за кухонной ширмы вышел Рауль. Высокий, кажущийся особенно стройным в белом рабочем халате и шапочке, он почтительно проследовал за официантом к столику Гранта и остановился со смущенным видом, как ребенок в ожидании заслуженной награды.

– Добрый вечер, Легар, – ласково приветствовал его Грант. – Вы оказали мне большую помощь. Теперь взгляните на эти снимки, – может, вам удастся найти здесь знакомое лицо.

Он раскинул веером с дюжину фотографий и стал ждать. Юноша не спешил. Он молчал так долго, что Грант начал было опасаться, что заверения Рауля, будто он хорошо запомнил человека из очереди, были простым хвастовством. Но когда наконец тонкий палец Рауля замер на изображении Соррела и юноша произнес: «Вот это – тот самый, кто стоял в очереди со мной рядом», в его голосе не было ни малейшего колебания.

– А вот это, – продолжал Рауль, переводя палец на Ламонта, – тот самый человек, который с ним разговаривал.

– Вы готовы подтвердить это под присягой? – спросил Грант, и Легар, теперь уже усвоивший, что такое присяга, уверенно откликнулся:

– О да. В любой момент, когда потребуется.

Именно это и хотел знать Грант.

– Большое спасибо, Легар, – произнес он с чувством. – Когда вы сделаетесь метрдотелем, обещаю, что приду сам и приведу к вам в ресторан добрую половину английской знати.

Рауль широко улыбнулся:

– Может, мне так и не удастся стать метрдотелем. В кино они так много обещают платить, а сниматься – это ведь совсем нетрудно, надо только сделать такое лицо – ну, вы знаете... – Он поискал подходящее английское слово, а не найдя, постарался изобразить: неожиданно его красивое, умное лицо приняло такое безмятежно идиотское выражение, что Грант поперхнулся своей уткой с зеленым горошком. – Может, я сначала попытаю счастья там, а потом, когда возрасту, – и тут он жестом показал, что имеет в виду доходы, – то смогу купить и отель.

Грант с добродушной улыбкой смотрел, как Рауль Легар грациозной походкой направляется обратно к своим ложкам и тряпочкам для чистки серебра.

Гранту подумалось, что все в Рауле – расчетливая оценка коммерческих преимуществ своей внешности, чувство юмора, готовность идти на компромисс ради успеха – выдавало в нем истинного француза. Печально, что, скорее всего, стройность и миловидность быстро исчезнут под влиянием самодовольства и достатка. Грант от всей души надеялся, что Легару на вершине карьеры удастся сохранить хотя бы юмор. Сам же Грант после обеда вернулся в Ярл, для того чтобы получить ордер на арест Джеральда Ламонта в связи с убийством Альберта Соррела вечером тринадцатого марта возле театра «Уоффингтон».

Когда в доме на Брайтлинг-Крисчент за инспектором закрылась дверь, хозяйка квартиры еще долго стояла в полной неподвижности, устремив взгляд на покрытый коричневым линолеумом пол прихожей. Несколько раз она задумчиво облизнула губы. Она не выглядела обеспокоенной; однако все ее существо было сосредоточено на одном мучительном усилии: она думала. Казалось, от этого напряженного процесса все ее тело вибрирует, как динамо-машина. Она стояла без движения, словно шкаф или буфет, в полной тишине минуты две-три. Потом развернулась и направилась в бывшую комнату Соррела.

Она взбила примятые инспектором диванные подушки – сама она во время беседы предусмотрительно сидела на твердом стуле, – причем выполнила это так, как будто это было дело первостепенной важности. Потом достала из ящика буфета чистую скатерть и принялась накрывать на стол: неторопливо и деловито она ходила из комнаты в кухню и обратно, с привычной педантичностью раскладывая ножи и вилки таким образом, чтобы они лежали параллельно друг другу. Она еще не успела кончить, когда послышался звук отпираемой двери и в квартиру вошла невзрачная молодая женщина лет двадцати восьми. Уныло-серое пальтишко, унылый коричневый шарфик, безрадостно-зеленая шляпка с робким намеком на элегантность придавали ей вид человека, уже не ждущего от жизни ничего хорошего, столь характерный для людей ее неблагоприятной профессии учительницы. В прихожей она сняла галоши и вошла в комнату, искусственно оживленным тоном сообщая о том, что на улице ужасно сыро. Миссис Эверет выразила свое согласие и потом сказала:

– Сегодня я приготовила холодный ужин и подумала, что вы не будете против, если я заранее накрою стол и уйду. Коли вы не станете возражать, мне хотелось бы сходить навестить одну знакомую.

Постоялица уверила, что для нее это не имеет значения. Миссис Эверет поблагодарила ее и прошла на кухню. Здесь она достала из кладовки холодный ростбиф и, нарезав толстыми кусками, сделала сэндвичи. Потом, завернув в чистую бумагу, сложила их в корзинку. Туда же отправились вареная колбаса, мясные фрикадельки и плитка шоколада. Вслед за тем она развела огонь, наполнила водой чайник и поставила на край плиты с тем, чтобы он был горячий к ее возвращению, после чего проследовала к себе наверх. Там она оделась для улицы и методично подобрала под строгую шляпку жидкие пряди волос. Потом из одного ящика достала ключ и открыла им другой, откуда вынула пачку банкнот, пересчитала, после чего положила в сумочку. Затем раскрыла вышитый бювар, написала короткую записку, запечатала в конверт и сунула в карман.

На ходу натягивая перчатки, миссис Эверет спустилась вниз, взяла приготовленную корзинку с едой, открыла своим ключом заднюю дверь, вышла из дома и двинулась по улице. Она шла, глядя прямо перед собой, суровая и спокойная – само воплощение добропорядочности. Так она дошла до автобусной остановки на Фулхэм-роуд и стала ждать, не обращая особого внимания на окружающих, как всякая добропорядочная, не привыкшая к случайному общению и уважающая себя женщина. Среди других пассажиров она не выделялась абсолютно ничем, и когда вышла, никто не вспомнил бы, кто ехал с ней в одном автобусе, – разве что кондуктор, наблюдательный по роду своей профессии. Такой же незаметной она оставалась и в другом автобусе, направлявшемся в район Брикстона. Она привлекала внимание пассажиров не больше, чем воробей или фонарный столб. Сошла она недалеко от того места, где Брикстон переходит в Стритхэм-хилл, тут же затерялась в туманной вечерней мгле, и никто из пассажиров не вспомнил, что она только что была рядом, никто не догадался, какое страшное напряжение скрывалось за ее внешней невозмутимостью.

Сначала она шла по одной длинной улице, мимо зависших в тумане, словно бледные луны, уличных фонарей, потом по другой, в точности такой же: плоские, невыразительные фасады, тусклый свет, безлюдные мостовые; потом свернула на следующую, потом – еще и еще... Пройдя до середины одну из таких улиц, женщина внезапно повернула назад и остановилась возле ближайшего фонаря. Мимо нее торопливо прошла какая-то девушка, видимо опаздывавшая на свидание; пробежал, позвякивая монетами в кулачке, маленький мальчик. Больше никто не показывался. Сделав вид, что при свете фонаря смотрит, сколько времени на ее часах, она двинулась в прежнем направлении. По левой стороне тянулись высокие импозантные особняки, которые после падения социального статуса Брикстона оказались никому не нужными; они стояли облупившиеся, и разноцветные занавески на затейливых окнах свидетельствовали о том, что в них обитают временные квартиранты. В этот час дома представлялись сплошной темнеющей массой. Лишь пробивавшиеся кое-где полосы света да нечастые фонари над парадным входом указывали на то, что здесь живут люди. В один из таких домов вошла и она, неслышно прикрыв за собою двери. По запущенной, слабо освещенной лестнице она дошла до второго этажа и стала подниматься на третий, где вовсе не было света. Некоторое время она стояла, запрокинув голову и прислушиваясь. Но вокруг было тихо – лишь где-то наверху поскрипывали старые рассохшиеся балки. Тогда медленно, на ощупь она стала взбираться еще выше, ни разу не запнувшись, миновала поворот и добралась до самого верха, где и остановилась, чтобы отдышаться. С уверенностью человека, бывавшего здесь не один раз, она нащупала невидимую дверь и осторожно постучала. Ответа не последовало. Ни лучик света, ни шорох не выдавал чьего-либо присутствия за дверью. Тогда женщина постучала еще раз и, приложив губы к дверной скважине, тихонько проговорила:

– Джерри! Это я!

Почти в тот же миг от двери что-то отодвинулось, она приоткрылась: стала видна освещенная комната и на фоне темного окна, словно распятие, – очертания мужской фигуры.

– Входите, – быстро проговорил мужчина, почти втаскивая ее в комнату и запирая дверь.

Миссис Эверет поставила на стол у занавешенного окна корзинку с едой и повернулась к нему лицом.

– Вам не следовало приходить сюда! – проговорил мужчина. – Зачем вы пришли?

– Пришла, потому что письмо идет слишком долго, а мне надо было срочно вас видеть. Его опознали. Сегодня вечером из Ярда приходил человек и расспрашивал про вас обоих. Я все ему рассказала. Все-все. Не сообщила только, где вы находитесь. Даже фотографии ему отдала. Этот человек знает точно, что вы в Лондоне, и если здесь останетесь, вас схватят. Это всего лишь вопрос времени. Вам надо уезжать.

– Зачем же вы отдали ему снимки?

– Понимаете, я прикидывала и так и этак, пока за ними ходила, а потом поняла, что, если вернусь с пустыми руками и буду говорить, что, мол, не нашла, у меня не получится. Он бы мне не поверил. И еще: если уж они так много про вас обоих знают, то есть у них фотографии или нет – какая разница?

– Вы так считаете? – отпарировал он. – Завтра каждый полицейский будет знать меня в лицо. Одно дело – описание внешности, хотя и это, видит бог, уже достаточно скверно, но фотография – это конец! Полный конец!

– Если останетесь в городе – точно конец. Тут вас все равно поймут рано или поздно. Вам надо уехать. Сегодня же.

– Да я бы – хоть сейчас. Но как? И куда? – с горечью воскликнул он. – Стоит мне высунуть нос на улицу – готов поставить один к пятидесяти, что тут же окажусь в полиции, а с такой рожей, как у меня, попробуй докажи, что ты – это не ты! Последняя неделя для меня – сущий ад. Боже, какого дурака я сваял! И было бы из-за чего! Можно сказать, сам себе петлю на шею накинул!

– Что сделал, то сделал, – проговорила она ровным голосом. – Теперь уж ничего не попишешь. Теперь надо думать, как ускользнуть. Да побыстрее.

– Я это уже слышал, но куда и как?

– Вот, поешьте-ка сперва, а потом я вам все растолкую. Вы за весь день хоть что-нибудь съели?

– Да, утром я завтракал, – был ответ. Но он не проявил никакого интереса к еде и не сводил с женщины сердитых, лихорадочно блестящих глаз.

– Вам нужно вот что: уехать из мест, где все про это только и говорят, туда, где никто ничего не знает.

– Если вы имеете в виду – уехать за границу, то на это у меня никаких шансов нет. Четыре дня назад я пытался было наняться на какое-нибудь судно, так они сразу стали спрашивать, состою ли я в каком-то там профсоюзе, а после и разговаривать со мной не стали. А что до парохода через Ла-Манш, так уж проще прямо сдать полиции.

– А я и не говорю ни про какую за границу. И не так уж вы прославились, чтобы про вас вся страна знала. Я говорю про Шотландию. Неужели вы думаете, что в моих родных местах, там, на западном побережье, что-нибудь слышали про вас или про то, что тут в Лондоне стряслось во вторник вечером? Кроме местной газеты, они ничего не читают, а там обо всех лондонских событиях сообщается одной строчкой. Это место в тридцати шести милях от ближайшей железнодорожной станции, а полицейский живет в соседней деревне, да и та в четырех милях от нас, и потом, самый большой преступник, с кем ему доводилось иметь дело, – это лососевый браконьер. Туда-то вы и отправитесь. Я уже им написала, что вы едете, потому что болели и хотите подлечиться. Вас зовут Джордж Лоу, и вы журналист. Вам надо сесть на един-

бургский поезд на станции Кингс-Кросс. Он отходит оттуда в десять пятнадцать, и вам надо на него поспеть сегодня же.

– А что, если полиция перехватит меня у турникета при выходе на платформу?

– На Кингс-Кросс никакой загородки нет. Уж мне ли не знать! Тридцать лет ездю в Шотландию и обратно с этой самой станции! На перрон шотландского направления вход свободный. Если даже на платформе и будут сыщики, так поезд – в полмили длиной! Хочешь спастись – умей рисковать! Нельзя же просто сидеть и ждать, когда за вами придут. А я-то считала, что рискованная игра – это как раз то, что вам надо!

– Думаете, я боюсь, да? – проговорил мужчина. – И вправду боюсь. Боюсь до ужаса. Выйти сегодня на улицу – для меня то же, что ползти по ничейной полосе под минометным огнем фрицев.

– Возьмите себя в руки, а не то – идите и сами сдавайтесь. Все лучше, чем не трогаться с места и ждать, когда тебя возьмут.

– Прав был Берт, когда окрестил вас леди Макбет, – вырвалось у него.

– Не надо! – резко оборвала его женщина.

– Хорошо, не буду, извините. Я немного не в себе, – сказал он и угнетенно замолчал. Потом, едва шевеля губами, прошептал: – Ладно. Давайте рискнем в последний раз.

– Осталось совсем мало времени, – заторопилась она. – Быстро соберите чемодан. Такой, чтобы нести его самому. Носильщик вам ни к чему.

Подгоняемый ею, мужчина перешел в следующую комнату, служившую ему спальней, и стал наспех кидать вещи в чемодан, между тем как миссис Эверет запихивала аккуратные пакеты со съестным в карманы его висевшего у дверей пальто.

– Что толку? – вдруг проговорил он. – Ничего из этого не получится. Как я смогу сесть на прямой поезд, следующий из Лондона, и избежать встречи с полицией и допроса?

– Никак не сможете, если будете один. Другое дело – со мной. Поглядите-ка на меня: неужели я похожа на такую, которая согласится помочь кому-то удрать от правосудия?

Несколько мгновений мужчина, стоя в дверном проеме, смотрел на нее оценивающим взглядом, и потом губы его тронула сардоническая улыбка.

– Вот уж действительно – воплощенная добропорядочность!

Он коротко и невесело рассмеялся и с этого момента уже не возражал. Через десять минут они были готовы.

– Деньги у вас есть? – спросила она.

– Есть, – отозвался он. – Целая куча. – И, опережая готовый вырваться у нее вопрос, торопливо добавил: – Нет, не те. Мои собственные.

Она перекинула через руку плед и еще одно пальто, объяснив:

– Главное – чтобы никто не подумал, что вы уезжаете второпях. Все должно выглядеть так, будто вы отправляетесь в долгое путешествие и вам дела нет до того, кто и что об этом думает.

Он нес чемодан и сумку со всем необходимым для гольфа. Все должно было выглядеть по-настоящему. Это был чистый блеф, а как известно, чем больше блефуешь, тем больше надежды, что дело выгорит. Когда они вышли из дома в туманную вечернюю мглу, она сказала:

– Дойдем до Брикстон-Хай-стрит и там сядем на автобус или поймаем такси.

Однако такси попало им почти сразу. Оно вынырнуло из темноты прежде, чем они дошли до главной магистрали. Пока шофер укладывал их багаж, женщина сказала, куда им нужно.

– Ого! Это влетит вам в копеечку, леди! – заметил шофер.

– Да что уж там считать, – отозвалась она. – Не так уж часто приходится сыночка на каникулы отправлять!

– Ну и правильно! – добродушно пропыхтел водитель. – Шикуй, пока можешь, а потом и попоститься не грех. Это по-нашему!

Она влезла вслед за мужчиной, машина перестала тарыхтеть и заскользила вперед.

– Будь я и в самом деле вашим сыном, вы вряд ли могли бы сделать для меня больше, чем делаете сейчас, – после недолгого молчания произнес он.

– И слава Господу, что ты мне не сын! – откликнулась женщина.

И снова в машине стало тихо.

– Как вас зовут? – вдруг спросила она.

– Джордж Лоу, – чуть помедлив, ответил он.

– Правильно. Только в следующий раз отвечайте без запинки. Завтра в десять утра в Уэверли пересадите на поезд, который идет дальше на север, в Инвернес. Там придется заночевать. Я тут записала, что вам делать дальше.

– Похоже, вы уверены, что на Кингс-Кросс все пройдет гладко.

– Нет, не уверена. В полиции не дураки сидят, да и этот человек из Скотленд-Ярда и вполтину не поверил тому, что я ему наговорила. Как бы там ни было, свою бумажку я вам передам, только когда поезд уже тронется.

– Жаль, у меня нет при себе револьвера.

– И очень хорошо, что нет. Хватит. Уж и без того массу глупостей наделали.

– Да я бы и не стал его применять. Просто чувствовал бы себя уверенней.

– Ради бога, Джерри, постарайтесь вести себя разумно и не валяйте дурака, а то все испортите.

Дальше они ехали не разговаривая – прямая и напряженная, как струна, женщина и забившийся в угол, почти невидимый в темноте мужчина. Так проехали они через всю восточную часть Лондона, мимо темнеющих парков к северу от Оксфорд-стрит, по Юстон-роуд. Левый поворот – и вот они уже у Кингс-Кросс. Решающий момент наступил.

– Рассчитайтесь за такси, а я пошла за билетом, – проговорила женщина.

Когда Ламонт расплачивался, тень от низко надвинутой шляпы целиком скрыла его лицо, поэтому таксист увидел всего лишь удаляющуюся спину пассажира. Тут же подоспел носильщик, и Ламонт совершенно невозмутимо отдал ему вещи. Теперь, когда пришло время действовать, он вдруг успокоился и перестал дергаться. Сейчас дело шло о жизни и смерти, и играть надлежало в полную силу. По одобрительному выражению на холодном лице вернувшейся от кассы женщины он понял, что она заметила происшедшую с ним перемену. Вместе они пошли вдоль поезда вслед за носильщиком, выбирая свободное угловое место у окна. Мужчина с пледом и сумкой для гольфа в сопровождении женщины, несущей еще одно пальто, – все вместе это выглядело вполне достоверно. Носильщик нырнул в очередной вагон и появился снова, говоря:

– Занял вам угловое место, сэр. Похоже, в вашем распоряжении будет вся скамейка. Сегодня народу мало.

Ламонт дал ему чаевые и осмотрелся. Место напротив было явно уже занято, хотя самого пассажира не было видно. Вместе с женщиной они, разговаривая, направились снова к выходу из вагона. Услышав за спиной чьи-то шаги, Ламонт громко спросил:

– Как ты думаешь, там у них есть где удить?

– Только в лохе, но там морская рыба, – ответила она и продолжала развивать эту тему, пока шаги не стали удаляться. Однако они не затихли вдали, а замерли где-то рядом.

Осторожно повернув голову, Ламонт увидел в дверях своего купе человека, который разглядывал его багаж. И тут он вспомнил, увы, слишком поздно вспомнил: носильщик положил его чемодан так, что инициалы на нем были видны совершенно отчетливо, их мог прочитать любой – «Д. Л.», а не «Дж. Л.», как того требовало его новое имя. Он заметил, что человек собирается повернуть обратно к выходу, и торопливо шепнул:

– Говорите о чем-нибудь!

– Правда, есть еще карьер, – произнесла женщина, – где можно ловить рыбешку, которую у нас там называют «билан». Она длиной не больше трех инчей.

– Ладно, так и быть: пришло тебе билана, – отозвался он со смехом.

Женщина взглянула на него с видимым одобрением.

– Извините, сэр, ваша фамилия не Лорример? – раздался за его спиной голос.

– Нет, Лоу, – ответил Ламонт, поворачиваясь лицом к подошедшему.

– О, извините, пожалуйста. Это ваши вещи вон в том купе?

– Да, мои.

– Еще раз извините и спасибо. Я разыскиваю человека по фамилии Лорример и подумал – может, это его багаж. Холодная ночь для отъезжающих и провожающих.

– И не говорите! – откликнулась женщина. – Мой сын и так уже начал ворчать по поводу первого в своей жизни ночного путешествия в поезде. Ничего, пока до Эдинбурга доберется, еще наворчитесь вдоволь!

– Признаюсь, я и сам никогда не проводил целую ночь в поезде, – с улыбкой сказал человек. – Извините, что побеспокоил, – добавил он и двинулся дальше.

– Надо было не слушать тебя и взять еще один плед, Джордж, – сказала женщина, хотя человек уже не мог ее слышать.

– Да провались он вовсе, этот несчастный плед! – с горячностью воскликнул Ламонт, уже целиком освоившись с новой ролью. – Скорее всего, не пройдет и часа, как станет жарко, будто на сковородке!

Раздался длинный, пронзительный свисток. Захлопали закрывающиеся двери.

– Это тебе на расходы, – сказала женщина, передавая ему пакет, – а это – то, что я обещала. Тот господин остался на платформе. Все в порядке.

– Мы упустили еще одну деталь, – проговорил он, снял шляпу, наклонился и поцеловал ее в щеку.

Длинный состав начал медленно уплывать в темноту.

Глава девятая

Инспектор Грант получает больше информации, чем рассчитывал

Грант просматривал газеты со свойственной ему рассеянной задумчивостью. Парадоксально, но факт: он действительно быстро пробежал глазами текст, но пожелай вы узнать его мнение по поводу любого упомянутого в прессе случая, то тут же оказывалось, что он помнит его самые существенные детали. Он был доволен собой. В считанные часы разыскиваемый будет у них в руках. Он готов был признать: ему крупно повезло. Да если бы не везение, половина преступников так и продолжала бы гулять на свободе. Возьмем хоть грабителей: если кого из них и удавалось словить, то единственно благодаря счастливому для полиции стечению обстоятельств. Но дело об убийстве в очереди было отнюдь не шуточным. Сколько информации им пришлось просеять и обработать! И сейчас он мог чувствовать себя достаточно спокойно лишь потому, что в эту самую минуту целая армия его людей с упорством настоящих охотничьих ищеек прочесывала все южные районы Лондона. Он полностью не снял подозрений с миссис Эверет, хотя считал, что в целом она говорила правду. Человек, которому Грант поручил следить за ней, доложил, что с восьми вечера и до утра, когда он сменился с дежурства, никто не входил и не выходил из дома. К тому же она сама, без всякого принуждения с его стороны, предоставила ему фотографии и, вполне вероятно, действительно не знала точного адреса своего последнего постояльца. Грант был хорошо знаком с тем странным равнодушием к окружающим, которым Лондон заражает каждого, кто живет в нем достаточно долго. Для лондонца, обитающего в Фулхэме, город по ту сторону Темзы кажется таким же далеким и чуждым, как, скажем, Канада, и для миссис Эверет, возможно, адрес в районе Ричмонда говорил так же мало, как какой-нибудь номер 12345 по такой-то авеню где-нибудь в Онтарио, то есть, по сути дела, не говорил ничего. Этот Ламонт прожил у нее недолго, и, наверное, она еще не успела привязаться к нему так, как к тому, кого убили. Вероятно, как обычно бывает в подобных случаях, он обещал написать, хотя отнюдь не собирался этого делать, а она особенно и не беспокоилась по этому поводу. Нет, в целом миссис Эверет производила впечатление искреннего человека. Ни на револьвере, ни на конверте отпечатков ее пальцев не было. (Грант специально заметил, за какой край она держала фотографии. Когда отпечатки увеличили и проявили, они не совпали ни с одним из уже имеющихся в деле.)

Итак, в это утро Грант чувствовал себя почти счастливым. Не говоря уже о радостном предвкушении взять разыскиваемого преступника, Грант находил удовлетворение в том, что человек, нанеший другому удар в спину, будет пойман. Замысливший такое преступление не должен оставаться на свободе!

За неделю, прошедшую со дня преступления, убийство в очереди перестало быть газетной сенсацией номер один, и хотя Гранта, казалось, занимали мелкие и незначительные сообщения, вроде кражи велосипедов, он не без некоторого облегчения – правда, с изрядной долей иронии – обнаружил, что, судя по размерам заголовков и количеству текста, главными событиями в Англии на сегодняшний день считались такие, как подготовка к лодочным гонкам, судебный иск известного врача-косметолога против некоей светской леди, которой он делал подтяжку, и отбытие Рей Маркейбл в Америку.

Когда Грант, перевернув очередную страницу иллюстрированного выпуска, наткнулся на ее фотографию, то снова почувствовал непонятное, отнюдь не свойственное офицеру полиции стеснение в груди. Сказать, что у него дрогнуло сердце? Нет, это было бы явной несправедливостью по отношению к нему. Сердца сотрудников уголовного отдела надежно застрахованы от того, чтобы учащенно биться, трепыхаться или замирать даже тогда, когда их обладатели

смотрят прямо в дуло направленного на них револьвера. И все же... и все же сердце Гранта вело себя не по уставу. Вероятно, именно досада на самого себя за эту мимолетную слабость привела к тому, что, когда Грант увидел это смеющееся лицо, эту ее знаменитую ускользающую улыбку, глаза его сделались колючими и холодными. И хотя губы его тронула усмешка, на самом деле ему было совсем не до смеха.

Он пробежал глазами тексты под снимками: «Мисс Рей Маркейбл в студии», «Мисс Маркейбл в роли Додо из спектакля „А вы и не знали?“», «Мисс Маркейбл в модном магазине». Наконец, последний: «Мисс Маркейбл на вокзале Ватерлоо по пути в Саутгемптон», и на снимке – сама Рей: маленькая ножка уже на ступеньке спального вагона, в руках – огромная охапка цветов. А по обе стороны от нее плотным кольцом – люди; и не просто люди, а известные всем господа, перечню имен которых под снимками всегда предшествует сакраментальное: «Слева направо...» По краям на фотографии виднелось несколько высунувшихся из толпы человек из бесчисленного множества провожающих поклонников ее таланта, коим посчастливилось прорваться в передние ряды. Их лица, повернутые к камере, были не в фокусе и казались расплывчатыми и уродливыми – словно у инопланетян. В конце колонки с описанием трогательной сцены прощания шла фраза: «На „Королеве Гиневре“ также отплывают в Штаты леди Фулис Робинсон, достопочтенная Маргарет Бедивер, член парламента господин Четтерс-Френк и лорд Лансинг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.